

18+

Альбина Снежинская

БЕЗРАЗМЕРНЫЙ
СПЕЦНАЗ

Альбина Снежинская

Безразмерный спецназ

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=34109393

ISBN 9785449055743

Аннотация

Если вы мечтаете провести веселые каникулы в деревне, отправляйтесь в санаторий «Сказка». Александр Парнас и еще сорок VIP-пузанов едут туда, как они наивно думают, подтянуть пивные животики, но с первых дней их затягивает водоворот странных и удивительных событий. Оказывается, среди них опасный преступник по кличке Артист. Кто он? Выбор богатый: тут и дед Кикимор, и ловец призраков Туманов, и кладоискатель Саймон? Александр пытается вычислить его, а страшно смешные события все запутывают.

Содержание

БЕЗРАЗМЕРНЫЙ СПЕЦНАЗ	5
1	5
2	31
3	50
4	74
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Безразмерный спецназ

Альбина Снежинская

© Альбина Снежинская, 2025

ISBN 978-5-4490-5574-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

БЕЗРАЗМЕРНЫЙ СПЕЦНАЗ

1

Александр Александрович Парнас, симпатичный и в меру упитанный мужчина, поправив растрепанный летним ветерком парик, с оглядкой проскользнул в салон элитного женского белья и замер. «Кружевной Эдем», как гласила вывеска над входом, привел неискушенного Сашу в смятение. Он бродил в шелковом строю как новобранец, пытаясь представить все эти творения на своей жене, на её крупном спортивном теле, под всегда строгим деловым костюмом – пытался несколько раз, но так и не смог. Да и как вообще можно носить такое? Он уже несколько минут в изумлении созерцал что-то невообразимое – бикини в форме клубнички, из ярко-красного мягкого бархата, на тонких зеленых веревочках, как вдруг чей-то противный смех вывел его из приятного оцепенения.

– Клубничкой интересуешься?

От неожиданности Парнас резко развернулся, зацепился рыжим локоном парика за вешалку и дернувшись, повалил на себя товарную стойку.

– Извините, вы обознались, – подбирая упавший товар, пролепетал он.

– Алекс, ты что, не узнал меня? Хотя это понятно, в последнюю нашу встречу ты видел перед собой лысеющего толстяка, с фигурой пусть и не кегли, как у тебя, но всё же...

– Эдик? Слизский? – Саша изумленно оглядывал смеющегося блондина. – Неужели это ты... ну, у меня нет слов... ты так изменился... как ты так сумел?

– Густые волосы – труд нанотехнологий, а это спортивное тело – только моя заслуга! – красовался Эдуард под восхищенные возгласы Александра.

– Ваш друг берет этот комплект? – подбежала к ним продавщица, кокетливо сверкнув перед Слизским вовремя растегнутой пуговичкой.

– Конечно, тем более что примерка прошла успешно, – Слизский ехидно усмехнулся и опустил взгляд на пояс собеседника: там, зацепившись крючком за ремень, на самом интересном месте, висели кружевные красные трусики!

Пока Александр лихорадочно пытался выпутаться из женского белья, Эдик со злорадством думал: «Выдержит этот тюфяк или не выдержит, выдержит или нет?»

– Вот, держи! Эта визитка – твой билет в нормальную жизнь. Позвони – и из размазни может что-то еще получится!

Размазня, кегля? Неужели это о нем? Сам Александр искренне считал себя «чуть-чуть пополневшим» со времен студенчества, но оскорбительные и многочисленные факты говорили иное. Жена ласково называла его пузыриком, дру-

зья шутливо спрашивали, на каком он месяце, а утром, в супермаркете одна субтильная бабулька с силой отпихнула его от последнего авокадо и вместо извинений проскрипела: «Раскинул тут жириса, нормальным людям не протиснуться. Авокаду ему подавай – килории, что ли считать не умеет!»

Все эти мысли вспышками промелькнули в его голове, пока кассирша выбивала чек за «примеренное» белье. Мимо прошаркала пожилая пара, точнее, два божьих одуванчика, и старушка, окинув толстяка презрительным взглядом, произнесла:

– Интересно, и как такие толстопузики любовью занимаются?

– Занимаются ли? – засмеялся дед, без стеснения разглядывая животик Парнаса. – С таким мешком жира вместо торса? Видишь, дорогая, до чего людей сексуальная недоработка доводит?

Но бабка уже потеряла всякий интерес к разговору и ковыляющей иноходью припустилась через зал.

– Смотри, Аполлон, какая ягодка! – восхищенно взвизнул старческий голосок. – Цвет, фасон – ну точно к твоим стрингам шит! А бюст, видишь сверху? боже, лисий мех! Никогда такого не носила! Срочно купи!

Саша бросил взгляд на заинтересовавший бабку комплект и обомлел: на витрине, привлекая к себе всеобщее внимание, лохматился оброненный им огненно-рыжий парик! Парнас одним махом сорвал его с вешалки и под гневные

крики престарелых любовников быстро выскочил из магазина.

Весь следующий день Александр внимательно изучал визитку Эдика, рассматривал себя со всех сторон перед зеркалом, пытался, весьма безуспешно, влезть в свои старые джинсы и к вечеру решительно заявил: все, звоню, еду и хуждею! Затем смело снял трубку и набрал заветные цифры.

После телефонного разговора пыл его слегка поостыл. Как, срок пребывания в лечебнице целых три месяца? И где находится? В пензенских лесах, в деревенской глуши? Сашка невольно поежился. Нет, он не поедет! На кого он оставит свое издательство, любимых авторов, друзей.

Супруга Наталья выслушала все его доводы и заявила:

– Езжай обязательно! Смена обстановки тебе точно не повредит. Ну, подумай сам, на дворе лето, все уже на моря разъехались, кому ты в издательстве сейчас нужен? Срочные дела я всегда сама разгребаю, бумажную и административную волокиту тянет Толик, а тексты и до осени подождут, не запылятся. Или хочешь, с собой их прихвати, в деревне все равно заняться нечем будет. А твои любимые детективы?! Сможешь перечитывать их хоть до дыр. А чтобы тебе не было скучно и одиноко в той глуши, возьми с собой своего дружка, Витьку Арсеньева. Он книгу пишет?! Не смеши! Вот сколько он за год рассказов написал? Ни одного! Все его шутки, как и он сам, жирком заплыли. Пора бы ему провет-

рится, да и мне спокойнее будет, что ты не один там с лишними килограммами бороться будешь.

Виктор Арсеньев, весьма известный и популярный автор-сатирик, был лучшим другом Александра. Они дружили еще с детства, и всегда один был инициатором всех проказ и авантюр, а другой умело и артистично воплощал их в жизнь. Сколько раз Парнас попадал в разные нелепые и смешные ситуации, исполняя то роль пьяной старушки, то обнаглевшего до предела гаишника! Вот и сегодня, в магазине дорогого женского белья он оказался по просьбе Виктора. Тот писал очередной юмористический рассказ, и его новый герой задумался как похититель и коллекционер эротического дамского гардероба, и автору было нужно описать неизгладимое впечатление человека, впервые попавшего в такой магазин. На вопрос, почему он сам туда не пойдет, юморист без стеснения соврал: «Я белье для новой пассии всегда сам выбираю! Не пропускаю ни одной новинки и дефиле! В бутики заглядываю постоянно, а мне нужно мнение новичка, самое первое впечатление». И Александр, надеясь быть неузнанным в рыжем парике и темных очках, отправился за «новыми» впечатлениями.

Идея поехать в лечебницу вместе с Виктором обрадовала Сашу, но по своему опыту он знал, что убедить друга в чем-либо против его воли – пустая затея.

– Сомневаюсь я, что Виктор поедет.

– А ты не сомневайся, иди, вещи собирай, а этого ветерана

сатиры я беру на себя.

Какими доводами и обещаниями удалось соблазнить «ветерана сатиры», осталось тайной, но только после нескольких дней бумажной волокиты и медицинских страшилок друзья с легким сердцем принялись собирать чемоданы, даже не подозревая, какие сюрпризы и приключения готовит им далекая провинция.

Летним солнечным утром на автостоянке прохожие, замедля торопливый шаг, с любопытством и легкой усмешкой оглядывая одну весьма приметную группу мужчин. Всех их объединяло одно: дорожную кладь держали одинаково пухлые ручки, а ремешки и молнии едва сдерживали напор одинаковых пивных животиков. Александр Парнас и Виктор Арсеньев, увешанные многочисленными сумками и пакетами, пришли на вокзал последними и тут же растворились среди однородной массы.

– О, Игорек уже здесь! – обрадовался Арсеньев. – Смотри Санька, наш почти народный артист кепочку надвинул, очки насадил, думает, люд честной его не узнает.

– Тихо ты, – шикнул на сатирика Игорь Харченко, его давний друг и по совместительству исполнитель многих его монологов, – знаешь, пару раз сверкнул талантом на экране, и вот они все прелести славы! Вчера от трех мужиков еле отбил, думал, они меня сейчас так отштукатурят, под евроремонт, а как оказалось, узнали, до двери под белы ручки

довели и еще в карман бутылку водки сунули.

– Да, теперь тебе и на выпивку тратиться не придется, – засмеялся Арсеньев.

– Там, куда нас везут, вряд ли нальют. И как я только повелся на вашу идейку! – Харченко надвинул кепку почти на нос. – Посмотри, над нами уже смеются.

– Что, мужики, приехали на финал конкурса толстяков? – крикнул в их сторону худощавый прохожий, белозубо улыбаясь сам себе.

Эта шутка могла бы лишить его двух-трех элементов лучезарного блеска, но тут к толстякам подошел здоровяк в камуфляже и зычно прокричал:

– Внимание на меня! От имени персонала нашей лечебницы «Похудей-Ка» без лишних слов скажу: мы рады, что вы доверились нашим добрым и таким опытным рукам!

Все с любопытством и некоторой опаской посмотрели на «опытные» руки, больше всего напоминавшие тяжеловесные гири и притихли.

– С этого момента и до конца срока вы поступаете в мое полное распоряжение! Допускаю обращения «старшина Кузьмин» или «товарищ Кузьмин». На этом знакомство окончено, вопросы отставить, всем строиться для пересчета! Снять шапки, буду считать по головам!

– Это недопустимо! – возмутился прилизанный мужчина, нервно поправляя бабочку на покрасневшей шее. – Меня, лучшего психиатра страны, как бессознательное живот-

ное по головам считать, да я...

– Считаю по главному: мужиков – по головам, депутатов – по мандатам, а ты кто у нас? ага, номер тринадцатый, психолог по фамилии Бубликов...

– Я – тринадцатый?! Почему тринадцатый?! Не хочу! Не буду!

– Так ты тринадцатым пришел в контору записываться, я тут причем! Тьфу, со счета сбился, заново начинать придется. Так, раз, два... все сорок на месте! – старшина, не обращая внимания на ворчащего психиатра, сверился со списком. – А теперь по местам! Вещи – в багажник, остальное – в автобус!

«Остальное», пыхтя и толкаясь, дружно кинулось занимать лучшие места.

– Знаешь, мне все это напоминает счастливое, беззаботное детство, – радовался Александр, – каникулы, выезды за город, пионерский лагерь...

– Лагерь, вот это точно, только не для деток! – заворчал Харченко. – Если бы вы мне раньше сказали, что адресок лечебницы дал Склизский...

– Слизский!

– Этот скользкий тип! Я бы умирать стал – не поехал! Ох, чувствую, не увидит больше столица моих аполлонских телес.

– Видишь, мы еще отъехать от дома не успели, а ты уже остротами сыплешь, – тихо засмеялся Саша, любуясь

на ускользящий за окном зеленый пейзаж. – Вы только посмотрите, какие с нами колоритные персонажи едут, один за нуда в бабочке на целую главу потянет. Ну, хватит уже дуться, Игорек, подсаживайся поближе, обедать будем, что мы как бедные родственники сидим, посмотрите, народ уже всю перекусывает.

Действительно, в автобусе все дружно жевали, громко шурша разноцветными пакетами и бумажными обертками. И вдруг по автобусу, сбивая расставленный в проходе багаж, пронесся взлохмаченный двухметровый детина.

– Поворачивай назад, – закричал он водителю, – вези на вокзал, я там сумки с едой забыл!

– Одумался, – засмеялись все, – их давно добрые люди прибрали.

– Как же так? Там ведро малосольных огурчиков, блинчики с мясом...

– Да не переживай ты, подсаживайся к нам, – неожиданно предложил Арсеньев. – Как звать-то тебя, богатырушка?

– Гоша! Магнитов! Музыкант!

– А я Виктор, бригадир!

Саша с изумлением посмотрел на друга.

– Зачем ты назвался бригадиром? – прошептал он.

– Так из этого верзила музыкант, как из меня бригадир!

Шутка это.

Гоша растерянно почесал затылок, потом махнул рукой и, придвинув к дружной троице чей-то большой чемодан, бо-

язливо примостился на него, загородив весь проход. К нему потянулись руки с бутербродами, кусками колбасы и выпечкой, он быстро утешился и до самого аэродрома не проронил ни слова.

В самолете Гоша пристроился рядом с новыми знакомыми. Кукурузник трясло и качало в разные стороны, а за бортом что-то противно и устрашающе поскрипывало. Все в страхе притихли, и тут уже знакомый всем противный голосок проблеял:

– Интересно, а когда нам выдадут парашюты?

– Что, кто-то уже решил выйти? – сверкнул взглядом Кузьмин. – Для такого случая один найдем! Ну, кого высадить?

– Меня, меня высадите! – подскочил Магнитов. – Мужики, я тещу в холодильнике оставил!

– Она, поди, сопротивлялась! Или не живая была?

– Там ей и место! Приедешь – разморозишь!

– Ох, бедная мама! Комнату себе холодильную соорудила, спала там, чтобы не стареть, хотела еще долгие годы радовать нас своей любовью, а я сгубил её – забыл утром морозильник открыть! – запричитал Гоша.

– Успокойся, жене позвони, – посоветовал кто-то.

– Жене? Так она в террариуме, принимает роды у Маруси, восьмиметрового удавчика! Пять дней уже трубку не берет, очень трудный случай – это ведь первая беременность у ма-

лышки!

– А дети есть?

– Сын. Но он сейчас далеко, в тундре.

– Оленей гоняет?

– Нет, выслеживает снежного человека! Говорит, их только летом можно подловить, когда у них брачный период проходит. Они тогда забывают про всякую осторожность...

– Да, тяжелый случай, это я о семье. Ладно, не мечись по салону, решим твою проблему! Сейчас нашим ребятам из охраны позвоню – вмиг тещу твою разбудят, накормят и обогреют, говори адресок, – нажимал кнопки телефона Кузьмин. – Все, уже выехали! Так что прошу всех успокоиться и...

– Спасите! Здесь дыра в полу – сейчас меня наружу засосет! – заверещал психиатр.

Пассажиры повскакивали со своих мест, испуганно глядя в угол: оттуда, перекрывая солнечные блики, бил яркий луч света!

– Всем замереть! Не раскачивать самолет!

Кузьмин спокойным шагом пересек салон.

– Кто прожектор включил! – сердитый взгляд старшины уперся в красную бабочку. – Тут только ты сидел! Сам включил, и еще панику разводишь! Ох, лучше бы вместо магнитных харчей мы тебя на вокзале забыли! Натерпимся с таким паникером! А вообще, чей это фонарь?

– Мой, – смущенно откликнулся Гоша. – Но мне без

него никак! Я музыку пишу, но пишу в основном по ночам, а творческое настроение создаю с помощью света. Накину на фонарь красный платок – любовь мажорная звучит, синий там или черный достану – грусть минорная на ноты так и ложиться! А смешаю цвета – сам не знаю, что получится!

Все слушали Гошу, раскрыв рот.

– И много у тебя платков? – поинтересовался Арсеньев.

– С собой только один чемодан, но это не беда, буду импровизировать! Вот тубетейка на парне какая, разноцветная, с блестками! Такую радугу если на лампочку надеть – страстная феерия зазвучит...

– Помогите, караул, меня кто-то сзади укусил! – «зазвучал» подпрыгнувший Бубликов.

– Ну, это невозможно, с ним одни проблемы! Комар укусит – а паники на слона хватит! – зашикали со всех сторон.

– Комар!? Глядите, штаны мне прокусил, кровь ручьем хлещет! А воеет как страшно, бешеный, наверное!

В углу что-то шевелилось и издавало завывающие, утробные звуки.

– Чей это мешок?

– Мой! Но там только инструмент, сейчас покажу! – развернул рюкзак Гоша. – Ой, смотрите, котик в трубе головой застрял, бедный, испугался злого дядю и кричит!

– За самим постоянный присмотр нужен, а он еще кота везет! – шипел психиатр, демонстрируя всем свои царапины.

– Да это не мой, я его на вокзале накормил, он, видать,

залез в сумку, пригрелся там и заснул! Худой какой, одни косточки, а ссадин сколько, царапин, бедный ты мой!

– Заяц, значит! Безбилетник! За борт его! – взмахнул «ги-рями» Кузьмин.

Животное жалобно посмотрело на Гошу, лизнуло его в шершавую щеку и прижалось к могучей груди спасителя.

– Не надо, прошу вас! Я его в питомцы возьму, – нежно поглаживая урчащего кота, умолял Магнитов. – Смотрите, какой ласковый.

– Ладно, пусть пока остается, а там видно будет!

Наступило временное затишье. Кот мирно спал за пазухой музыканта и нежно мурлыкал, психиатр тоже, кажется, задремал, шевеля нахмуренными бровями, а Арсеньев что-то задумчиво писал.

– Тьфу ты, черт! – выругался он. – Сашка, ручка есть, а то моя сломалась.

– Сейчас схожу, в сумке посмотрю!

Парнас залез в один из многочисленных кармашков объемного баула, и вдруг его пальцы нащупали что-то гладкое. Александр развернул находку – в руках алым пламенем развернулись кружевные женские трусики! Что это? Откуда? И тут он вспомнил! Хлопоты и сборы по случаю отъезда так закрутили его, что он совсем забыл о своей вынужденной покупке. Жене он не решился подарить подобную вещь, думал при случае избавиться от нее и припрятал подальше от посторонних глаз.

– Что ты там возишься?

– Уже иду, – ответил Саша и в спешке, не дай бог, кто увидит, не глядя, запихнул находку обратно. – А что ты пишешь? – быстро, чтобы скрыть замешательство, спросил он друга.

– Описываю события сегодняшнего дня. Знаешь, я, наверное, не буду убивать нашего «благодетеля» Склизкого. Ну, может, попинаю немножко, и все.

– Рад за него.

– Говоришь, он похудел на тридцать кило?

– Больше!

– Боюсь, нам это не грозит.

– Почему? – спросил Парнас, ожидая очередной шутки.

– Потому! Сколько ложек сметаны заменяет минута смеха? Подсчитал? А теперь умножь все это на три месяца, что нам предстоит провести в обществе этих чудиков, Саксофона и Бабочки. Какая тут, к черту, диета!

– Да, ты прав, я давно так не веселился, – глаза Александра радостно заблестели. – Какой тут огромный сатирический потенциал для твоих рассказов!

– Это мы еще остальных не слышали.

И тут весь «сатирический потенциал» затрясся, подпрыгнул вместе с кукурузником, и дружно ойкнул. Друзья громко захохотали.

До конечного пункта где-то под Пензой добрались только

к вечеру. Широкие ворота гостеприимно распахнулись перед гостями, а яркая вывеска заманчиво гласила – «Сказка»!

– Вот и наша дорогая лечебница! – гордость за родные места распирала Кузьмина.

С первого взгляда открывшаяся взору картина никак не напоминала лечебницу. Со второго и третьего тоже. Живописный вид скорее навевал мысль о сельской идиллии: сквозь листву проглядывали белоснежные колонны светлых корпусов; аккуратные хозпостройки утопали в ярких цветах, а ухоженные огороды радовали глаз густой свежей зеленью. Раньше здесь был пионерский лагерь, и когда-то детский смех весело звучал среди раскидистых ветвей, а сейчас стояла непривычно-умиротворенная тишина.

Впрочем, уставшие и голодные путники не замечали ни разноцветных красок, ни щедрых красот. Их взор искал что-то более приближенное к идеалу и по всем параметрам напоминающее столовую. Все их чувства вслед за обонянием устремились к отдельно стоящему домику, из окна которого вился ароматный дымок, а слух приятно услаждал звон тарелок и кастрюль. Лишь один человек не разделял общей животрепещущей страсти. Его цепкий, внимательный взгляд заметил скрытый в зарослях высокий забор, окружавший территорию больницы по всему периметру, мелькнувшую среди листвы камуфляжную форму охраны да настороженных собак, только и ждущих нужной команды. Взор его уперся в домик с лаконичной и интригующей вывеской «Штаб»,

из которого навстречу толпе вышла небольшая группа мужчин спортивного вида. Вперед выступил один из них, высокий, подтянутый, в военной форме, но без знаков отличая, и приятным тенором произнес:

– Здравствуйте, товарищи пациенты! Я главный врач этого лечебного заведения, капитан Федоров, обращаться ко мне только в крайней необходимости. Со старшиной вы уже знакомы, на три месяца он вам будет вместо отца, по всем личным и интимным вопросам к нему! С остальными познакомитесь позже, а сейчас внимательно послушайте номер палаты, куда вы распределены. Сразу уточню: в каждой комнате по четыре человека, две комнаты объединены в отряд, к которому приставлен постоянный руководитель, староста, слушаться его во всем! А теперь непосредственно к распределению. Тот, чью фамилию я назову – два шага вперед!

Когда звучали такие имена и фамилии как Ягодка, Копейка и Блендер, никто не мог сдержать улыбки и смеха. Федоров громко зачитывал список, и новички, вскользь оглядывая будущих соседей по койкам, переваливались вперед.

– Палата номер пять: Игорь Харченко, Александр Парнас, Саймон Фишер и Виктор Арсеньев!

Услышав последнюю фамилию, бородатый иностранец попятился, выронил сумку и оторопело уставился на Арсеньева.

– Что, знакомого встретил? – спросил Харченко

– Извините, голова закружилась, – с легким акцентом про-

бормотал Фишер.

– Встать к своей группе! Палата номер шесть!

Все замерли.

– Жорж Адамов, Алексей Бугаев, Эдуард Бубликов...

– Не пойду в такую! – проворно выпрыгнув из толпы психиатр, – то номер мне дают тринадцатый, то в палату шестую – не хочу! Хочу вот к ним, где бригадир!

– А почему все на меня смотрят? – удивленно огляделся

Виктор.

– Ты же сам так назвался, теперь навсегда прозвище пристанет, – усмехнулся Саша.

– Поменяйте меня вместо Фишера, – не унимался Бубликов, – ему все равно, он Чехова не читал!

Вся пятая палата дружно сбилась в кучку и с мольбой посмотрела на капитана.

– Распределение закончено и изменению не подлежит! – под облегченные вздохи четырех пациентов подвел итог Федоров. – А сейчас вас проводят в комнаты, и по дороге старшина Кузьмин ответит на все интересующие вас вопросы.

– Нет, вы скажите, – бубнил психиатр, семена за старшиной, – чем руководствовалось ваше начальство при расселении? Может, выбирали по цвету глаз или, вообще, методом тыка?

– Я предлагал капитану распределить вас по национальному признаку, – с серьезным видом объяснил старшина, –

Парнаса и Блендера, например, определить как французов, Харченко и Петренко обозначить хохлами и тому подобное, но товарищ капитан, в целях большего лечебного эффекта, объединил вас по интересам.

– Он что, хобби наши знает?

– И хобби, и фобии, и то, чем вы по жизни занимаетесь. Вот по схожей трудовой деятельности и группировал.

– Вы хотите сказать, что вот эти типы из моей комнаты – психологи? – засомневался Бубликов.

– Так и есть, не сомневайтесь! – заверил его Кузьмин, и поспешил отделаться от надоедливого зануды.

После скудного ужина и беглого знакомства с местными достопримечательностями, толстяки быстро разбрелись по отведенным им комнатам, и на некоторое время все стихло.

Давно уже погасли фонари вдали, уступив место ярким негородским звездам, замолкли в сладкой дреме лесные жители, и только в «Сказке» о спокойном сне только мечтали.

– В нашей любимой стране есть древний и очень хороший обычай, – вещал Арсеньев, как-то странно посматривая на иностранца, – отмечать все знаменательные события обильным вливанием. Кто мы такие, чтобы нарушать заведенные нашими прадедами традиции? Игорек, наливай, обмоем приезд, знакомство. Тебя, значит, Семеном кличут?

– Как вы... откуда вы узнали? – сжался американец.

– Так список зачитывали, тебя Саймоном назвали, по-нашему, значит, Семен, – разливая коньяк, ответил юморист. – Быть тебе отныне Семой...

– Смотрите, селедочка, – пропел Харченко.

– Точно, Семеном Селедкиным! Думал, фамилию Фишер как Рыбкин перевести, но селедочка, она как-то знатнее. Да не кисни, Сема, познакомишься здесь с самой настоящей российской глубинкой, а мы тебя русскому литературному языку обучим.

– Материться, что ли?

– Материться сам скоро обучишься, не о том речь, – возмутился Харченко. – Витя у нас писатель, юмор записывает, Сашка – редактор, до ума все доводит, ну а я артист, со сцены несу это творчество в массы, понятно? Мы вместе – три звена одной словесно-выразительной цепи, а ты – выразаться!

– А у меня типография, – как бы извиняясь, произнес Селедкин.

– Ну вот, цепь и замкнулась!

– За это и выпьем!

Нечто подобное происходило по всему лагерю. Раздавался смех, гомон, громко звенели стаканы, кое-где звучала неслаженная песня.

– Интересно, – удивленно прислушался Виктор, хрустя соленым огурчиком, – перед сном Кузьмин тщательно проверил сумки, конфисковал продукты и спиртное, на каком же топливе народ отъезжает, а? Объясните, как все су-

мели пронесли спиртное сквозь собачий локатор?

– Так же, как и мы! – хрюкнул Харченко. – Я, например, завернул коньяк в одеяло. Старшина удивился, зачем мне летом пуховик, а я ему, ноги, мол, даже в лютую жару по самое кукареку мерзнут.

– Умно, – засмеялся Виктор, – и я не дурак, в бумаги три бутылка зарыл, знают ведь, что я писатель, много строчу, потому и не проверяли особо. А банку с селедкой нечаянно одеколоном облил, вот овчарки и не унюхали. Ну, хорош болтать, пара вздрогнуть!

И тут все действительно вздрогнули: приятную для гуляк какофонию звуков прорезали самый какафонистый взвизг – это Гоша, купаясь в новых впечатлениях, исполнял что-то недоступное для восприятия обычного слушателя! Рядом, под ярким фонарем, сидел облезлый кот, завывая и подмигивая новому хозяину. Услышав этот дуэт, петух в курятнике повалился с насеста, свинья в дальнем сарае истошно захрюкала, местные вороны от зависти повыбрасывались из своих гнезд! Веселье было в самом разгаре!

Утро наступило как-то неожиданно и застало толстяков врасплох. Некоторые только-только прилегли, а тут уже труба зовет, причем в буквальном смысле слова: из старого, прибитого к столбу репродуктора, на всю возможную мощь оркестры трубили подъем. Из своих комнат, пытаясь распрямить помятые лица и одевая на ходу чуть менее помятую

одежду, выползали нарушители ночного покоя. Солнышко от такой картины в ужасе отвернулось и поспешило спрятаться за тучку, собаки с осуждением били по траве хвостами, и только выдавший кое-что похуже старшина Кузьмин громко отдавал команды, раздавая всем хлопчатобумажные спортивные костюмы.

После водных процедур в виде нескольких ведер ледяной воды на каждого, пациенты частично вернулись к реальности, а после получасовой маршировки на свежем воздухе вернулось и основное – огромное чувство голода. Толстяки с трудом дождались команды «вольно», и потом дружно, с песней взяли приступом столовую. Но здесь всех постигло горькое разочарование: несколько листиков салата и одно яйцо, в голодных и не совсем трезвых глазах уменьшенное до голубиноного – вот и весь жалкий трофей яростной атаки! В утешение администрация решила приправить сей скудный завтрак горячей и питательной пищей для ума – речью главного идеолога, и по совместительству мастера диетологии, профессора Зудина.

– Запомните этот день, господа похудающие! – многозначительно начал он. – С этой минуты вы, опираясь на наши опытные, по-отечески добрые руки, и на наш огромный, местами горький опыт, начинаете новую, лишенную пагубных соблазнов жизнь! Познавая тяготы труда и воздержания, вы познаете самих себя!

Лектор все более и более распалялся, в глазах светилась

невысказанная «отеческая» забота, которую в один-два часа и не выскажешь, особенно перед такой отсталой аудиторией! Все как-то сникли, недоеденный кем-то листик салата, и тот вял на глазах.

– Посмотрите внимательно на центральный плакат! – продолжал зудеть Зудин, – что вы видите?

– Вот дрянь! – заорал Бубликов.

– Не так эмоционально, хотя эта, как вы выразились дрянь – большая печень любителей жареного, копченого...

– Какая, к черту, печень! Мои ноги! Кто подсунул мне вот это?

Психиатр выскочил из-за стола, смешно шлепая мягкими розовыми тапочками. Все со смехом разглядывали это чудо. Психиатр, гневно сверкая глазами, засеменял к выходу, и в это время в дверях материализовалось чудовище. Под два метра росту, с водорослями вместо волос, а на шее – черный слипшийся воротник. «Люди, здравствуйте», – крикнул он и завалился на орущего Бубликова! От визгливых воплей меховой воротник неожиданно ожил, и с горящими глазами бросился на паникера. Психиатр попытался убежать, но зацепился тапками за порог и кубарем закатился под крыльцо. Пришлось Кузьмину с Зудиным с силой вытаскивать недотепу оттуда, а потом вести в санчасть, давать большую дозу успокоительного. Чудище, он же Магнитов, через несколько минут пришел в себя и рассказал, как он, совершенно непьющий человек, под натиском седьмой палаты, слегка пригу-

бил в размере пол-литра. Потом сознание его уснуло и только утром обнаружило себя в заросшем тиной и камышом пруду.

– Ты, как всегда, с примочками, но вовремя, – смеялся вместе со всеми Арсеньев, – ведь вы сейчас с Васькой избавили нас от двух занудных психов.

– А Васька, это кто? – заглывая яйцо целиком, прошептал Гоша.

– Да зверь твой! Или как его? Мурзик, Котофей, Матроскин...

– Я когда Гошу увидел, обомлел, – поднес чайник Александр, – подумал, что после вчерашнего Лешие мерещатся...

– Мяу!

– Нарочно захочешь так вырядиться, не получится...

– Стоп, повтори, что ты до этого сказал? – перебил его Арсеньев.

– Про лешего?

– Мяу! Мур!

– Нет, вы поняли, на какое имечко этот зверюга отзывается! Леший, значит!

Кот промяукал еще раз, с любопытством огляделся по сторонам, и вдруг, зашипев, выгнулся и одним прыжком накрыл розовеющее под стулом чудо.

– Интересно, кто подкинул этому зануде женские шлепки?

– Ты, Витька, лучше спроси, как вообще в наш, чисто мужской тапкодром, проникли эти лазутчики? – засмеялся Харченко.

– Да, пикантный вопрос...

– Так, вопросы отставить, завтрак закончить! – прервал разговор Кузьмин, материализовавшись около столика как по волшебству. – Всем построиться и шагать на стадион! Сейчас сдам вас физруку Подопригоре, а в полдень встретимся на построении, у флага, где и получите дальнейшие инструкции.

Толстяки, задевая дверной косяк солидными животами, или, как выразился Арсеньев, давя друг друга своим «авторитетом», начали нехотя вываливаться из столовой.

Стадион встретил новичков насмешливо. Видно, не впервой ему наблюдать подобную ужасающую картину.

– Бубликов! На козла!

– Не хочу на козла!

– Бубликов, не задерживай очередь желающих! Да куда в обход, через него прыгай! Ладно, следующий!

Спортивный инвентарь жалобно поскрипывал и прогибался до земли под тяжестью неспортивных тел. Каждый кульбит и прыжок вызывали дружный смех.

– Эдик, а почему ты никогда не снимаешь бабочку, это что, личная фишка такая? – в перерыве между хохотом поинтересовался Харченко.

– Это мой талисман, снимаю только дома, – угрожающе сжал кулаки психиатр. – Если кому интересны подробности такой привычки, я расскажу...

Александр слушал разговор невнимательно, он сидел на скамье предпоследним и с нетерпением ждал своей очереди. Рядом с ним крутился юркий курносый брюнет, постоянно оглядываясь назад.

– Что ты все время в кусты всматриваешься, ждешь кого-то? – не выдержал Саша.

– Там что-то постоянно щелкает, вроде кинокамеры, – заикаясь, прошептал тот.

– Ну, ты придумашь! Кому тут нас снимать?

– Да ты, как я погляжу, шутник у нас! – подключился к разговору сдавший нормативы Арсеньев. – Как там тебя?

– Пётр Прыгун.

– Да, Петька, такая комедия даже без монтажа и звука на «ура» пройдет! О, Санек, твоя очередь сниматься, хотя на Оскара не потянешь!

– Это почему же?

– Так Гоша постарался – козла напополам, бревно на дрова, канат вместе с деревом вырвал! На тебя материала маловато осталось, подпорчен интерьерчик-то! – подталкивая вперед друга, посмеивался Виктор.

В полдень все собрались на строевой смотр. Четырехугольная площадка была размечена цифрами, места для каждой группы пронумерованы белой краской. На стыке линий стояла небольшая трибуна, над ней шумно развивался российский триколор.

– Ну, точно как в пионерском лагере на линейке! – воскликнул Александр.

– Пусть будет линейка, если хотите, – капитан посмотрел на друзей, и неуловимая смешинка загорелась в его ярких синих глазах. В этих же глазах отразились четыре десятка измотанных и поникших «рекордсмена», с расписанием в руках.

– Да тут ни одной свободной минуты! – воскликнул Арсеньев, прочитав распорядок дня.

– Ежечасный труд – главное в нашей методике!

– А оскорбления – её основа? – возмущенно запыхтел Бубликов. – Вы только послушайте, что они едят: утренний сбор зелени, бой лопухам! Значит, мы для вас зелень, лопухи?

– Нет, зелень для нас, как и для всех нормальных людей – это крапива, одуванчики и прочая трава, а лопух, он и в Африке лопух, – ухмыльнулся староста Ефимов. – Так, съедобную траву рвете себе на обед, а от лопухов спасаете наш градки, понятно?

– А некоторым, особенно кабинетным психологам, следует теснее пообщаться с природой, а прополка крапивы – самый подходящий для этого способ, – добавил старшина. – А теперь за работу, господа, пора трудиться и худеть! Разве не за этим вы сюда приехали?

2

Последующие дни заставили многих поверить в существование ада, в котором физрук и старшина были добровольными и самыми рьяными его поборниками. Они не давали мученикам ни одной минуты отдыха! В семь утра – встреча со спортивным инвентарем на стадионе, затем – упражнения с мотыгой и лейкой в саду и на грядках, а между делом – остальная кухонная и постирочно-уборочная мелочевка. А как же иначе? Ведь пациенты жили на полном самообслуживании. Большую часть пищи также добывали сами: огород снабжал овощами и фруктами, лес – грибами и ягодами, а речка – свежим рыбным ассортиментом, если повезет, конечно.

Поначалу многие возмутились такими тяжелыми рабскими условиями и отказались работать. Руководство не перечило им, а культурно и интеллигентно лишило зачинщиков беспорядка ужина.

– В нашем дружном коллективе существует незыблемый закон! – разъяснял бунтарям Кузьмин. – Кто не работает – тот не тратит энергию, кто не тратит энергию – тому пища не требуется! Короче: кто не работает – тот не ест!

– Смеею напомнить вам, – строго продолжил капитан, – что согласно контракту, вы полностью подчиняетесь строгим правилам оздоровительной программы. Тем же, кто желает

прервать контракт, мы не чиним препятствий – после выплаты нам неустойки он будет отправлен домой незамедлительно!

– И сколько требуется заплатить? – недовольно запыхтел Бубликов.

Старшина назвал сумму.

– Сколько?! – присвистнули все.

– Товарищ Кузьмин, прошу вас вечером, после лекции профессора Зудина, еще раз ознакомить наших невнимательных клиентов и их обязанностями, с которыми они безоговорочно согласились и под которыми собственноручно подписались!

После ознакомления бунтарский пыл быстро пошел на убыль, толстяки потуже подтянули пояса, залепили трудовые мозоли, смазали ноющие мышцы и приготовились к тяжелому, безрадостному существованию.

Удивительно, но повсеместная тоска и уныние совершенно не коснулось, даже краем, двух закадычных друзей – писателя Арсеньева и редактора Парнаса. Один своим подбадриванием, другой неожиданной, но всегда уместной остротой, поддерживали боевой дух всего коллектива. Харченко старался не отставать от них, подхватывал шутки, смешно пародировал известных людей; Фишер-Селедкин не отходил от новых друзей и с готовностью поддерживал все их затеи и проказы. Остальные тянулись к неунывающей команде, ловили каждое слово признанных оптимистов, а в столовой

всегда старались сесть поближе к центральному столику бригадира, как все теперь называли Арсеньева.

Как-то за ужином Александр сидел, нахмурившись, что само по себе было большой редкостью. Ох, не нравился ему один лысый тип, всегда хамит и норовит оскорбить слабого, вот как сейчас.

– Вали с моего места, заика убогий, – толкнул он Петьку, своего соседа по столику. – Твое место спиной к нормальным людям.

Прыгун обижено поник.

– А помнишь, Витька, ты в восьмом классе после экзамена заикаться стал? – громко, чтобы все слышали, спросил Александр и стукнул друга под столом ногой.

Тот, нужно отдать ему должное, быстро сориентировался.

– Я-то уже забыл, а вот Кульков, думаю, никогда не забудет! Заикой меня обозвал! Интересно, он так и ходит на костылях, или медицина сотворила чудо? – последовала многозначительная пауза. – Да что мы все о своем, кому это интересно? Я вот что подумал, мужики, хватит нам уже безымянными задницами друг на друга пялиться, давайте составим все столики вместе и будем есть за одним общим столом, дружно, и по-семейному.

– Все вместе не получится, – с робкой радостью отозвался Петр, – по длине не поместиться.

– А мы не дураки, поставим наискосок. Да один столик оставьте вон тому безволосому, хотел сидеть у окна, пусть

сидит. Ну, давайте, перестановку сделаем и будем знакомиться.

Ужин уже подходил к концу, когда очередь дошла до последнего парня, самого молодого из пациентов, в серьгах и тубетейке.

– Я Евгений Марленский, начинающий модельер, – юный красавиц скромно прикрыл большие карие глаза пушистыми ресницами, – работаю у самого Поплинского!

– У того самого супергламурного модельера?

– Да. Поверьте, он настоящий волшебник моды...

– Нам бы сейчас настоящего волшебника кулинарии, раз – лопухи и пырей нарезались в сытную закуску, два – местные вороны в гусей превратились и по-пекински на столах красуются.

Все мечтательно сглотнули и разговор плавно перешел на еду. Вспоминали самые невероятно-вкусные блюда, самые свежие их ингредиенты; желудки заслушались и стали подпевать, урча от нетерпения. Леший, тощий черный кот, вытянувшись на коленях у Гоши, как полноправный член этого сообщества тоже участвовал в волнительном разговоре, одобрительно мяукая после каждого названного блюда.

– Что бы ты понимал, зверюга, – ласково пожурил кота Арсеньев.

– Не скажи, знаешь, какой он умный! Вчера Блендер возле забора грибы нашел и давай щеки набивать, так Лёшик их чуть не изо рта вырвал! Оказалось, это ложные опята, очень

ядовитые!

– Молодец, чертеняка!

– Смотри, не возгордись, грибной эксперт.

– Сейчас бы грибочков, малосольных, с молодой картошечкой.

– Интересно, среди нас есть генералы? – неожиданно спросил Александр.

– С чего ты вдруг о чинах заговорил? – встрепенулся Виктор.

– Вспомнился мне наш великий писатель Салтыков-Щедрин и два его генерала, что только о еде разговоры вели. Уж очень они мне кого-то напоминают?

Все поняли намек и дружно засмеялись.

– А, правда, хороша идея! Я последую примеру русского сатирика и сочиню сказ про нас! Харченко, готов исполнять перед публикой новый монолог? – хлопнул артиста по плечу Арсеньев.

– Всегда готов, мой дженераль, ты только напиши, а я все это в лицах перед зрителем разыграю!

– Решено, завтра и начну!

Ночь дарила приятный покой, сладкие сны помогали забыть тяготы трудного дня и заманчиво предлагали спящим все утраченные радости жизни. Харченко громко причмокивал и махал руками: сейчас он был далеко, на сказочном пиру и тянулся огромным черпаком к большому котелку

щей; Александру грезилось, что он работает редактором меню в лучшем ресторане и сейчас ему предстоит «отредактировать» расписанной под хохлому ложкой две сотни блюд. Гоша, и тот сочинял гастрономическую симфонию для тарелок с графином! И вдруг в эту поэтическую мелодию вторгся посторонний гудящий звук – громкий звон гонга.

– Вставайте все, проснитесь! – вопил в темноте испуганный голос.

– Пожар! Грабят! – вторил ему психиатр, раньше других оказавшись на улице.

– Прекратите крики! Спокойно объясните, в чем дело? – успокаивал взлохмаченную, полуголую толпу Кузьмин, придерживая гудящий гонг. – Что случилось, гражданин Марленский, из-за чего такой переполох?

– Я слышу, Краснов, сосед мой по койке, вышел, говорит по нужде, – сбивчиво тараторил парень. – Полчаса прошло, час – нет его, я за ним в туалет – нет нигде, я все обыскал, в комнату еще раз заглядывал – он как в воду канул! С тех пор часа два прошло, а его все нет, я испугался и решил поднять тревогу.

– Мужики, берем фонари и на поиски! – без лишних раздумий предложил Парнас.

– Стоп! Никакой самодеятельности! – подошел к взбодораженной толпе Федоров, как всегда аккуратно одетый, и резко осадил боевой настрой. – Поиск сбежавшего, а я уверен, что это побег, дело работников лечебницы, а ваше зада-

ча – не мешать нам своими неорганизованными действиями. Прошу всех разойтись по палатам, старосты – проконтролировать.

Все нехотя разошлись по своим комнатам и еще долго не могли успокоиться и уснуть.

Утром только и разговоров было, что о ночном происшествии. Дружно вспоминали личность пропавшего. Краснов за прошедшие дни показал себя уравновешенным, спокойным парнем, он никогда не возмущался заведенным здесь порядком, а как и все удивлялся вечному занудству Бубликова и искренне хохотал над шутками Арсеньева и Харченко. Возник вопрос: что же толкнуло его на столь радикальный и необдуманный поступок?

– Я уверен, что он не сбежал, а погиб, в пруду утонул, например, – злился Бубликов. – Спросонок забрел туда, а выбраться из тины сил не было, да и откуда им взяться-то, силам, вон как нас измотали эти людоеды!

– Нет, он точно сбежал, – заикаясь, произнес Петр. – Все его вещи пропали.

– Откуда ты знаешь?

– Случайно услышал, как капитан по телефону говорил...

– Это он специально так сказал, чтобы мы не выступали, – каркал Эдик, – придумал про вещички, чтобы замять дело.

– Да, столько времени прошло, а наши командиры и не суетятся. – Арсеньев в нетерпении крутил в руках метлу. – Сейчас уберем территорию и пойдем начальство пытаться.

Но как не пытались встревоженные пациенты своих старост и весь персонал, узнать ничего не удалось. На все вопросы о Краснове работники лагеря в один голос твердили: «Напали на след! Найдем и накажем! Поймаем и с позором отправим домой!» Но ни в этот день, ни на другой, обнаружить сбежавшего так и не удалось.

– Что же делается, друзья? Как же так, бригадир? – волновался народ.

– Завтра разберемся! Я прямо с утра позвоню в одно место, выясню ситуацию.

– Так тебя и разрешат позвонить! Пустая затея, – махнул рукой Бубликов. – Мобильные телефоны-то наши у старшины под большим замком припрятаны.

– Если Виктор говорит, что позвонит, значит так и будет! – шикнул на него Сашка. – У нас всегда запасной вариант есть, только для близких!

Утром друзья встали пораньше, прогулялись вдоль зеленого забора, изображая страстных любителей природы, потянули ноздрями сонные цветы, и, удовлетворенные, поспешили на зарядку.

– Все, мужики, птичка улетела, но в полдень обещала вернуться, – с видом заговорщика подмигнул Арсеньев.

– О чем это ты?

– Вот ты, Гоша, непонятливый. Я о звонке, насчет сбежавшего. Позвонил одному полковнику, к вечеру все о Краснове знать будем! Смотрите, а что там за переполох у пруда?

Собаки шныряют?

Из-за деревьев раздался радостный собачий лай, и не менее радостный возглас старшины:

– Сидеть! Место! Молодец, дай сюда! Ну, что тут у нас? Телефон! И чей же он, интересно?

Подтянувшиеся к сержанту подозреваемые угрюмо молчали.

– Ого, сколько здесь непринятых вызовов! Сейчас перезвоню...

– Не надо! – неожиданно наскочил на Кузьмина Прыгун, пытаясь выхватить работающий аппарат. – Отдайте, это очень личный звонок!

– Кто же тебя так усиленно помогается?

– Это... одна из любовниц, – с вызовом заявил Петр, – я второй телефон только для них и подключил, чтобы не было там разных накладок и недоразумений, ну, вы понимаете...

Со всех сторон слышались одобрительные смешки.

– Трубку изымаю, – пряча находку в карман, заявил старшина, – наказание назначу после обеда. Надо же такое придумать, в дупло спрятать! А ты, Вдова, молодец, держи конфетку... фу, Блендер, фу! Совсем оголодался? в пасть руку суешь!

– Вдова? Смешное имечко для собаки.

– Тем бабам, что при живых мужьях вдовами стали, не до смеха теперь! – Кузьмин ласково погладил здоровенную морду.

– Ты о чем, товарищ старшина?

– Вдову эту нам уголовный розыск презентовал, умная псина, но с одним недостатком – когда видит убегающую мужскую особь, догоняет, валит с ног и все мужское достоинство в тряпку!

– Ну и зверюга! – все в страхе отскочили подальше. – Мужененавистница! Феминистка!

– Преступников, значит, пожалели, а наше достоинство не в счет? – прячась за широкую спину Магнитова, отстаивал свои мужские права Бубликов.

– Так она только тех мнет, кто убегает, а куда вам, с вашими авторитетами бегать, ха-ха-ха...

Собака, казалось, тоже улыбнулась, затем подошла к Парнасу, виляя хвостом, и ткнулась мокрым носом в его ладони.

– Ты это, Санька, поосторожнее!

– Да я ласковей и симпатичнее собачки не встречал!

– Может, дать список её жертв? – потянул на себя поводок старшина.

– Мы все измученные жертвы женского пола! – вдруг выпалил Адамов, сосед Бубликова по комнате. – Все они, с виду симпатичные и милые, норовят схватить за самое больное место, когда ты и не ожидаешь! Нет ни одного мужчины, кто бы полностью, или частично, не пострадал от их козней!

Все с удивлением и интересом слушали «жертву прекрасного пола»; каждый вытаскивал из памяти мешок с отяпанным у них добром и кучу неприятностей, оставленных

в наследство. Большинство втянули плечи в себя, еще раз окинули овчарку обиженным взглядом и поспешили на долгожданный обед. Собака теснее прижалась к Парнасу темным боком, затем лизнула теплую руку Семена, и поспешила по своим, только ей известным делам.

В столовой взволнованно и шумно обсуждали последние события. Тем, кто не видел живописную сцену у пруда, очевидцы в ярких красках и с помощью характерных жестов преподносили информационное блюда, и так распалились, что чуть было не прослушали объявление.

– Господа похудающие, – радостным тенором пропел Зудин. – Сегодня у вас очень значимое событие – ваш первый выезд в люди, а точнее, в село Мельситово! Надеюсь, вы покажете себя с лучшей стороны и не опозорите нашу лечебницу! В поездке прошу строго придерживаться следующих правил: на чужие огороды не покушаться, у местных жителей ничего не выпрашивать, в рот ничего не совать, это особенно вас касается, господин Блендер!

– А? Что? – промямлил Осип, рассыпая крошки из набитого рта.

– И где он только жратву находит? – скривился Бубликов.

– Так, всем грузиться в грузовик! Прыгун и Арсеньев, отойдите от машины, вы никуда не едете.

– Как так...

– Вы остаётесь в лагере, почистите свинарник и заодно в курятнике порядок наведете.

– Прыгуна, понятно, за мобилу рихтуете, а бригадира-то за что на такую муть посылаете? – возмутился кто-то.

– Ему видней, за что и куда его посылают! – Кузьмин сощурился и многозначительно посмотрел на Арсеньева.

День уже клонился к вечеру, хозяйственная повинность была наполовину отработана, а Арсеньев никак не мог привести мысли в порядок. Что-то много в последнее время было неприятных совпадений, прослеживалась в этой цепочке какая-то неслучайная закономерность, и именно эта неслучайность настораживала, не давала покоя. И чем больше сатирик думал о последних событиях, тем непригляднее вырисовывалась картина. Виктор, рассеянно раскидывая вокруг себя зерно, попытался собрать воедино последние кусочки головоломки.

– Вот, черт! – вдруг подскочил он, и «кусочки» брызгами рассыпались по всему курятнику. – Ты чего клеваться? Петька, чего это петух клюется?

– Так вы уже два часа сидите на его месте, курочки пригрелись около вас, вот петух и приревновал.

– Ишь ты, Казанова в перьях, как наскакивает! Кыш от меня! Все мысли из-за тебя вылетели, яйцо на ножках!

– Пора свинарник чистить, – отгоняя от Виктора кур, произнес Петр.

– Может, ты без меня справишься? Мне бы мысль одну до ума довести, с утра по всем мозгам крутит, а в кучу никак

не соберется. Да и сказку дописать надо, обещал же народу.

– Конечно, я понимаю, вы же не для себя, для нас стараетесь.

– А ты для кого старался, когда в эту историю встрял? Телефон же не твой, зачем вину на себя взял?

– Так что мне сделают? Так, ужина лишат, и все! У вы у нас голова, источник юмора, вас если от коллектива удалят, все расстроятся, особенно Александр...

– Да, где ты сейчас, друг Сашка? Как не хватает моей изголодавшейся музе твоего оптимизма.

А друг Сашка в это время ехал вместе со всеми на стареньком грузовике, растрясая на ухабах и оптимизм, и остатки скудного обеда. Рядом, вцепившись мертвой хваткой в шершавые борта машины, тряслись остальные. На полу, без движения, валялся как бревно Осип Блендер.

– Говорил же старшина, не ешь сырую свеклу, живот раздует, – почувствовал ему Гоша.

– Это не от свеклы! Он же вместе с ботвой мышь полевую прихватил, не глядя, сунул в рот и откусил половину...

– А другая во рту шевелиться... смотри-и-и-те! – завизжал Бубликов. – Ой, да тут кругом мыши, сейчас покусуют, мышинным гриппом заразят! Ай-й-й!

И действительно, из-под Блендера, как в кошмарном сне, в разные стороны разбегались грызуны, и прятались под рубашки, брюки толстяков.

– Стой, старшина, стой! – забарабанил по кабинке Парнас.

– Ну, что тут у вас? – недовольно выкрикнул Кузьмин.

Все высыпали из грузовика, извиваясь и хихикая от щекотки. Мыши в страхе выпрыгивали из самых неожиданных мест.

– Чья это выходка? Отвечать!

– Не ругайся, старшина, это я виноват, – смущенно потупился Гоша. – Набрал побольше грызунов в поле, хотел в лагере мышиный питомник соорудить, Лешику для охоты, а Ося упал на мешок, зубами в него вцепился и дыру, наверное, прогрыз.

– Тебя, Магнитов, в стог сена брось – задница сама иголку отыщет! Ох, горе с тобой. Так, все, фокстрот закончить и в путь, а то к ужину опоздаем.

Шофер поддал газу. Желание порадовать желудок подскочило со скоростью под сто девяносто!

– Подождите, а где Блендер? – заглядывал под лавки Магнитов. – Помню, как я его из кузова вытащил, мышат повывтряхивал, а вот обратно закинул ли?

Осипа обнаружили три километра назад, на краю дороги. Тот мирно посапывал, шлепая губами и время от времени покусывая жесткую травинку.

– Грузи, Магнитов! И знай, если по твоей вине команда без ужина останется, я у тебя... да я твой саксофон отберу, и кота из лагеря депортирую! И не жалоби меня, поздно слезы лить! Гони, Коля, давай, поспеши... Стой-й-й!!!

Грузовик резко вздыбился, зарычал и сердито встал на задние колеса. Пассажиры повывлетали из кузова и повисли смятыми грязными мешками по бортам.

– Ты что, Варька, сдурела, под колеса лезешь! – хлопая дверью кабинки, выскочил Кузьмин. – Да мы...

– Тпру, Федор, притормози, осади маненько.

Варвара, красивая селянка, в самом расцвете лет и сил, с любопытством оглядела городских и замерла взглядом на Семене, удивленно вскинув бровь. Тот покраснел, отвел глаза, в смущении вдавливаясь в спину Александра. Варя переметнула синий огонь на Парнаса, томно вздохнула, сняла с головы косынку и отерла ей свою весьма выдающуюся грудь. Та колыхнулась, теплая волна поплыла от неё в сторону разинутых ртов и накрыла всех без исключения.

– Ты мне, Федя, пришли кого-нибудь, по хозяйству пособить, хоть вот этого, востроглазого красавца. Да и Лизке помощь требуется, бородастый, думаю, подойдет.

Два «избранника» в смятении прижались друг к другу, сердца барабанили в унисон.

– А мы женаты! – сам не зная почему, выкрикнул Саймон.

Варвара звонко захохотала.

– Я же вас не под венец зову, а так, баньку подправить, пружины на кроватях подтянуть...

– Ты за этим на машину наскочила? – Кузьмин сердито пресек неположенные взгляды.

– Я к вам больше по имущественному вопросу. Говорят,

мужик у вас пропал, гляньте, не его вещички?

Варвара протянула кожаный, слегка покоробленный чемодан.

Кузьмин осмотрел его, осторожно расстегнул замки и дрожащей рукой откинул верх – на мокрой одежде лежали размякшие листы бумаги, где немного расплывчато, но вполне ясно было напечатано: я, Краснов Владислав Анатольевич, обязуюсь...

– Где нашли вещи? – сдавленно произнес Федор.

– Пастухи вчера выловили, у кевдинского омута.

Хорошее настроение у всех мгновенно упало, и его без следа затянуло в бездонный кевдинский омут.

А в лагере беспокоились: прополка свеклы закончилась два часа назад, так где же работники? Арсеньев нервно вышагивал возле ворот, время от времени всматриваясь вдаль. Леший, подмигивая горящим глазом, крутился около.

– Ну, хвостатый, что тебе подсказывает чутье, не случилось ли с нашими товарищами беды?

Кот встрепенулся.

– Едут, едут! – радостно подскочил Прыгун. – Слышу мотор!

Троица выбежала за ворота навстречу машине, кот тут же метнулся в протянутые руки музыканта, а Арсеньев первым делом отыскал в толпе Сашкино лицо, и в душе его потеплело.

– Бригадир, мы сейчас такое порасскажем, столько всего случилось, – наперебой загалдели толстяки.

– После наговоритесь, ужин стынет! – перебил всех старшина. – Быстро в душ, а потом бегом в столовую!

На ужин спешили дружной гурьбой. Дорожные приключения уже были расписаны во всех подробностях, и теперь голодная орда наперебой строила предположения, какие блюда приготовил сегодня повар Тучкин? Желаемое никогда не совпадало с действительным, но кто запрещает мечтать? Харченко мечтал вслух, мечтал красиво и со вкусом: на первое – солянка из пяти сортов мяса, на бульоне из копченых ребрышек – тройная порция; на второе... на втором блюде он споткнулся:

– Нет, только не это!

Но это – грозное непрерывное гудение гонга – звучало и созывало всех к штабу.

– Лысый только что сбежал! – на ходу сообщил Прыгун, еще больше заикаясь от волнения. – Выскочил как ошалелый за ворота, а Вдова следом!

– Бежим за ними, может, успеем еще спасти мужика! – крикнул Александр.

«Спасите», – раздалось вдали, затем послышался яростный собачий лай и через минуту в зарослях раздались душевраздирающие вопли.

– Опоздали!

Группа толстяков в страхе замерла. Из леса, навстречу им,

вышли два санитары с носилками, на которых раскинулось бледное неподвижное тело, накрытое простыней. Взгляды всех приковало кроваво-красное пятно между ног пострадавшего. Бубликов осел на траву, а остальные, почувствовав головокружение и зримую боль внизу живота, в ужасе попятнулись. Подбежавший Кузьмин раздвинул толпу, осторожно приподнял простыню и сдавленно, как бы про себя, произнес: «Уже не помочь, все всмятку!»

Вечером, на тайном собрании возле пруда, всю кипели страсти. Одна выплеснулись из Бубликова и окатила всех:

– Нас сюда для опытов заманили, хотят опробовать на нас запрещенные препараты! А некоторых, у которых все анализы в порядке, уже на органы разделяют! Краснов якобы утонул, лысый от шока якобы умер, устроят им тихие похороны, остатки кремируют, и концы в воду!

– Лысый вроде пока не собирается помирать?

– О том и разговор! – нагнетал обстановку психиатр. – Видели, какая за ним машина приехала? Нет, не скорая помощь – холодильник! Так и написано: «для замороженных продуктов»! Да, погрузили туда втихаря покусанного лысика, а тот даже и не пошелохнулся, усыпили, небось! По дороге в холодильнике на запчасти раскромсают и доставят на место уже в коробочках, по частям! Не верите! А у меня свидетель есть, давай, говори, – прошипел Бубликов и с силой толкнул Прыгуна в бок.

– Ой! – сжался тот. – Я сомневаюсь, стоит ли говорить...

– А ты не сомневайся, рассказывай, мы разберемся.

– Я несколько раз, так, случайно, слышал, как капитан Федоров звонил в какую-то больницу, обещал, что если им дозоры подойдут, он без проблем сколько надо доставит.

– Самого Федорова, между прочим, в лагере не наблюдается, – сверлил глазками испуганных толстяков Эдик. – Ждет в подпольной клинике прибытие живого «товара», вернее, частично живого.

– Не вериться мне, что Федоров такими делами занимается, недоразумение это.

– Сам ты недоразумение! – злобно шикнул на Прыгуна Бубликов. – Тут наши жизни на волоске висят, и каждый может завтра на разделку пойти! Тебе-то бояться нечего, такого как ты точно напоследок оставят, а на меня многие польстятся – не пью, не курю, распутством не злоупотребляю...

– Речь не о тебе, правильный ты наш! – осадил не в меру разошедшегося хвастуна Арсеньев. – Что-то действительно необъяснимое творится здесь, с этим никто не поспорит.

– Да, загадочные дела происходят в нашем тихом омуте, страшные дела, непонятные.

3

– Страшно непонятные дела происходят в нашем лечебно-трудовом центре! – с душевным надрывом начал профессор Зудин. – За эти две недели, что вы находитесь под нашим бдительным надзором, ваша поголовная жировая масса уменьшилась в среднем на пятнадцать процентов! Уменьшилась, но не у всех! Некоторые личности, вопреки всем законам природы, логики и новейшим методикам, а может, назло мне, никак не хотят расставаться с лишними килограммами! Посмотрите внимательно на этих уникальных, в отрицательном смысле, индивидов!

Все повернулись в сторону Арсеньева и Парнаса. Эти разрушители «всех законов и логики» не переставали всех удивлять.

– Возможно, я не знаю всех нюансов этого загадочного дела, но обещаю, что того, кто укажет мне на причины моих бессонных ночей, ждет огромная награда: его фамилия будет вписана в вечность на страницах моего следующего научного труда! Его портрет будет повешен среди галереи медицинских плакатов!

Диетолог перечислял «награды» и, не усмотрев на лицах ожидаемой радости, униженно добавил: – А еще ему достанется большой кусок клубничного пирога, со сливками!

Все жадно сглотнули и виновато посмотрели на двух дру-

зей. Те переглянулись и поспешили уединиться от любопытных взглядов.

– Да, хитрый мужик этот Федоров, всегда так: сам весь в крестах, а чужая голова в кустах! – негромко начал Арсеньев. – Через других действует, вроде он и ни при чем! Подкинул Зудину идейку подкупить оголодавших простачков, поманить клубничкой с пряником! Теперь они от нас ни на шаг не отстанут, все пятки оттопчут. Как к нашим закромам пробиться, когда десятки любопытных глаз спину сверлят?

– Я с самого начала говорил, не надо поддаваться соблазну, – вздохнул Парнас. – А теперь приходится выкручиваться, друзей обманывать. Давай, Витька, не пойдем сегодня на встречу?

– А если тетка разыскивать нас будет, по кустам шнырять? Увидит кто постороннее лицо, начальству донесет. Поймают её, она нас и сдаст.

– И то верно. Придется идти, но на сердце у меня как-то беспокойно.

Да, очень трудно скрывать от всех маленькую тайну, тайну, приятно отягощающую желудки двух друзей, и страшно тяготившую душу одного из них!

Корнями эта таинственная история уходила в соседний лес, где несколько дней назад третий отряд, а это пятая и шестая палаты вместе, собирали грибы для местной кух-

ни. Этот день начался как обычно, на стадионе, где каждый был на своем месте и в своем амплуа: Бубликов так расшипелся от возмущения, что резинка на его отвисших штанах с треском лопнула; Гоша, узрев перед собой Бубликовские трусы цвета зазмелевшей фи́ги, отвлекся и с разбегу протаранил тесный строй толстяков. Те раскатились по всему полю, и притворно громко ахая и ахая, прокатились на травке всю тренировку.

Петр Прыгун не участвовал в массовом повальном беспорядке и внимательно прислушивался к шороху у дальнего края забора, скрытого в густых зарослях шиповника.

– Что, опять съёмочная группа приехала, камеры устанавливает? – беззаботно пошутил юморист.

– Нет, это другое, и началось оно несколько дней назад, а может и раньше, только мы внимания не обращали.

– Что – это?

– Шуршание у забора, хихиканье, писк...

– Апчхи! – раздалось сзади и перед «спортсменами» появилась как из воздуха щупленькая старушка. – Здравствуй-те, сынки. Что-то, я гляжу, вы припозднились, роса давно сошла, грибы на солнцепеке засыхают, а вы еще даже не умыты!

– Познакомьтесь, это ваш проводник в мире грибов – Кокандрия Ивановна, – представил бабушку старшина.

– Можно просто баба Кока, – улыбнулась та. – Давайте, побыстрее собирайтесь, летом час за день считать надобно,

иначе зимой с голоду вспухнешь.

Толстяки быстро позавтракали и засемили вслед за старушкой.

Лес встретил грибников ароматом разнотравья, приятной прохладой и несмолкающим птичьим пением. Проводница легко и проворно продвигалась сквозь густые заросли, время от времени нагибаясь за очередным груздем или масленком. Остальные старались не отставать и занимались «тихой охотой» с азартом, сопровождая каждую находку восторженными комментариями. До обеда время пролетело незаметно, никто даже не успел подумать о еде, а Кузьмин уже звал всех к импровизированному столу на зеленой солнечной полянке.

– Молодцы, неплохо поработали, – урчал от удовольствия старшина, поочередно заглядывая в каждую корзинку и любуясь отдельными экземплярами. – Часика три побродим еще, пособираем, а потом Кокандрия Ивановна поганки отсортирует, и весь урожай на кухню отправим, Тучкину на разделку. Вот славно сегодня поужинаем, и на супчик хватит, и на жаркое!

– Приятная перспектива! – с набитым ртом промямлил Жорж Адамов, антипоклонник женского пола.

– Послушайте, не налегайте так на еду, оставьте что-нибудь для Оси, – сказал Александр. – Он, наверное, на грибное место набрел и не слышал, как на обед звали. Осип, Блендер, ау?

В ответ тишина.

– Обычно эта мясорубка первым за стол садиться и последним вылезает! – пробубнил психиатр. – Неужели и он сбежал?

– Не говори глупости! – оборвал Эдика Арсеньев. – Человек, может, заблудился или в овраг упал и сломал себе что-нибудь.

– Верно, надо идти в лес, искать его.

Далеко идти не пришлось – на пригорке, прислонившись к стволу раскидистого дуба, тихо стонал позеленевший Блендер. Рядом, как в русской народной сказке, стоял огромный, выше пенька масленок, шляпку которого по всему краю обкусанный чьими-то зубами.

– Что ты ел, сынок, говори? Какие грибы жевал, эти? – допытывалась бабка Кока у Осипа, поочередно доставая из корзинки очередной вид гриба.

– Вот эти, – еле слышно пролепетал Блендер, – сами же говорили – сыроежки, значит, сырыми едят.

– И все, больше ничего не ел?

– Немного погрыз вот этот вкусный грибок, – Блендер приподнялся и обхватил руками ножку огромного мутанта.

Старушка облегченно вздохнула.

– Эх, жаль, фотоаппарата нет, такой гриб первый раз в жизни вижу, кому расскажу – не поверят! – восторженно присвистнул Харченко.

– А я вообще удивляюсь, как Ося весь гриб не схрумкал,

за ним ведь станет, – заметил Виктор. – Но это же съедобный гриб, правда, Кокандрия Ивановна?

– Да, смерть ему не грозит, только желудок все равно промыть не мешало бы, – бабка строго посмотрела на Блендера. – Ведите его в пансионат.

– Вот незадача, староста в лагерь побежал, а я не имею права вас одних оставлять. Как же теперь быть? – задумался Кузьмин.

– Иди, старшина, за нас не беспокойся, мы тебя не подведем, – заверил Кузьмина Арсеньев, – только Вдовушку с собой заberi, от наших... органов подальше.

– Пойдем, Федор, я тебе подсоблю больного до места довести, не помирать же ему, – предложил Бугаев, обстоятельный и серьезный жилец палаты номер шесть, аккуратно подхватывая Блендера за плечи.

Больного увели, проводница дала команду «грибы!» и все разбрелись в разные стороны.

– Пойдем, я на опушке одну полянку приметил, земляничную, – потянул друга Виктор, – можно немного полакомиться, надеюсь, медведей-конкурентов здесь не водиться? Хотя, они вроде, больше по малине специализируются.

– Я лесную ягоду всякую люблю, – глаза у Саши заблестели, – она такая душистая, сладкая, с садовой не сравнить. Да, рановато в этом году земляничка созрела, прямо как нам на заказ.

Александр сорвал одну, потянулся к следующей и уже за-

ранее раскрыл для неё покрасневшие губы, но тут ближайший к нему куст зашевелился и медленно пополз на оторопевшего сластену.

– Ой, мамочки! – прошептал Виктор, попятился назад и уперся спиной в Саньку.

– Беги, спасайся, я это задержу, – оттолкнул друга Парнас. – Ой, помогите-е-е! – попытался закричать он, но сквозь зеленые ветки просунулась черная рука и крепко зажала крикуну рот.

– Не ори, – раздался из кустов человеческий голос, – а то остальные прибегут, а здесь на всех не хватит! – тут ветки мягко опали, и перед дрожащими толстяками предстала вполне симпатичная бабка, с хитрым лисьим взглядом прищуренных глаз. – Я вас давно выслеживаю, а сегодня прямо подфартило, и из начальства никого, и собачку увели.

– Что тебе, тетка, от нас надобно, – немного пришел в себя Виктор.

– Мне от вас ничего, а вот я могу снабдить таких симпатичных ребятушек вкусным товаром. Меня, кстати, бабкой Летей зовут.

Бабка сняла с руки темную перчатку, достала откуда-то небольшую кошелку, развернула верхний узелок, и друзей атаковал невыносимо-вкусный запах жареной картошки, с лучком. Атака прошла на «ура»!

– У меня тут много всего, – решила добить толстяков бабка Летя, – что не съедите, можно с собой прихватить, на ве-

чер.

– А это что за сухари, кириешки что ли? – сглотнул слюну Виктор.

– Сам ты какаешка! Неужто я вам, столичным гурманам, такую дрянь подсуну! – возмутилась торговка, – это сухарики, из домашнего ржаного хлебушка, чесночком и перчиком понатертые!

– Нам нельзя это есть, у нас диета, – пытался справиться с собой Александр.

Мозг говорил ему «остановись!», а остальное само тянулось к вкусно пахнущей сумке; глаза завязли в жареной картошке, нос заволокло перцем и чесночком. Желудок перевесил мозг!

– Мы бы все у вас взяли, да денег с собой нет, – не в силах отвести алчный взгляд от еды, промолвил Виктор.

– Так я в долг, что, первый день вас знаю?

– Откуда?

– Чай, не за сто верст живем, а по соседству, – туманно ответила бабка. – Если в цене договоримся, я вам каждый день буду еду приносить, все, что закажите, состряпаю.

– А сколько у тебя этот кулечек сухариков стоит? – поинтересовался юморист.

– Полтинник.

– Да ты что, ограбить нас решила, откуда такие цены?

– Так по себестоимости! Продукты все без химии, экологические, попробуй, вырасти, плюс дорога к вам туда-сюда,

прибавь камуфляж этот из листьев, он тоже мне в копейчку влетел, да за риск положи – ежели Федька меня поймает, мало не покажется: продукты конфискует, перед людьми опозорит, да и собак натравить может, а вы – дорого!

– Ладно, бабка, не кипятись, приноси завтра в лагерь курочку жареную с молодой картошечкой, знаешь там место у пруда?

– Я там все знаю.

– Вот туда и приноси, рассчитаемся на будущее, и сегодняшний долг уплатим, только ты уж не подведи, не заболей там...

– Не беспокойтесь, ежели что со мной приключится, внучек мой разносолы вам принесет, он как раз ко мне на месячишко приехал, в отпуск.

– А как мы его узнаем?

– Так он моя копия, такой же красавиц, только покурчавее да помоложе, – с гордостью пояснила бабка.

– Договорились, – Виктор в нетерпении оглядывал доверху набитые сумки, – а теперь раскрывай котомки, показывай товар!

– Может, не надо, – все еще пытался сопротивляться Парнас.

Но тут узелок развязался, и прямо к нему в руки выпрыгнула большая каталка домашней колбасы. Недietetический продукт сразил ослабевший организм наповал!

– Сейчас Семе и Игорьку обо всем расскажем – не по-

верят! – запихивая в рот очередной кусок, радовался Александр. – А как увидят столько вкуснятинки – обрадуются!

– А вот с этой радостью придется подождать, – оборвал друга Виктор. – Твоя вселенская вера в людей мне хорошо известна, но даже такой оптимист, как ты, не мог не заметить множество вопиющих фактов стукачества.

– Ты это о чем? – замер Саша.

– О том! Все наши секреты передаются на другую сторону, в штаб – не успеешь о чем-нибудь подумать, а капитан уже спешит с запретом! И не притворяйся, что не думал об этом, видел бы ты вчера свое лица, когда мой запасной телефон нашли.

– Это могла быть случайность...

– Никто о нем не знал, пока я насчет Краснова не собрался звонить. Только про телефон обмолвился и на другое же утро собака нечаянно в дупло полезла! Не смей!

– Может, кто из персонала подслушал?

– Понимаю, Санька, неприятно подозревать друзей в предательстве, и если бы это был единичный случай... – Арсеньев скривился. – Вспомни, когда я хотел в село смотаться на местных красоток посмотреть, что произошло?

– У дверей собака разлеглась и ни в какую уходить не хотела.

– Вот! И кто о моем десанте знал? Только наша палата! – сатирик на минуту перестал жевать. – Неужели Игорек продался? Нет, думаю, это не он, а этот америкашка доносит.

– Скажи, за что ты там взъелся на Сему? С самых первых дней его на дух не переносишь!

– Сам не понимаю, почему. Как вижу его, прямо с души воротит, какой-то он неживой весь, так, тепленький.

– Никогда не замечал за тобой таких чувств.

– Думаю, тут интуиция сработала, – продолжал Арсеньев, не забывал закидывать в рот полновесные куски снеди. – Чувствует сердце, с этим Фишером неладно что-то.

– Не спеши с выводами. Причины неприязни могут быть самые банальные, вплоть до аллергии на его одеколон.

– Или на его кислую физиономию.

– Или в прошлой жизни вы, например, были непримиримыми идейными врагами, – не то в шутку, не то всерьез сказал Александр. – И вот теперь бог снова свел вас вместе, чтобы вы смогли искупить прошлые грехи и протянуть друг другу руку помощи!

– Да, фантазия у тебя дай бог каждому, – присвистнул Виктор, – она далеко завести может. Только вряд ли твои вымыслы ответят на реальный вопрос: кто же нас сдал, когда мы на посиделки деревенские собрались?

– Тогда нас подслушать могли, между комнатами перегородки тонкие, как картон! Или под окном кто случайно проходил! – Александр стоял за друзей горой.

– Хорошо, идем дальше! В среду, после уколов я терапевта Миллера обозвал законспирированным Мюллером, кто это слышал? Не они потом пробирки весь вечер мыли, да

баночки после анализов чистили.

Александр не сдавался:

– Капитан знает твою аккуратность, вот и дал работу по медицинской части.

– Именно мне, после ужина, когда весь народ отдыхает, нужно было срочно колбочки мыть? И это еще не все! А грядку с репкой помнишь? Мы её начисто прошерстили, а потом свинью Маньку выпустили, вроде это она весь урожай схрумкала, вспомни, кто в набеге участвовал? Только мы четверо! Кто потом навозом огород удобрял? Опять я! Просто так, без причины именно меня послали в дерьме ковыряться, да? Так что доедай свою колбасу и пошли, а то нас, наверное, потеряли уже.

– Обещаю, что разберусь во всем!

– Так кто же против! Мой ум в полном твоём распоряжении. Вот тут нам бабка Летя и пригодится – будет снабжать нас калориями, ведь мозгам для работы много топлива требуется.

И с этого дня двое из сорока пациентов лечебницы, вопреки всем стараниям диетолога Зудина и физрука Подопригоры, никак не хотели расставаться с лишними килограммами. А как с ними расстанешься, если они дружной гурьбой приходят к тебе в виде жареных ребрышек, домашних пирогов и вареников с вишней? Бабка Летя исправно снабжала всем этим истосковавшиеся по холестерину организмы. Так продолжалось уже несколько дней, едоки каждый день давали

себе слово отказаться от услуг торговли, но к вечеру боевой настрой угасал, теряясь где-то в бездонных недрах голодного ненасытного желудка.

– Вить, когда мы Игорька в нашу кулинарную тайну посвятим? Невмоготу уже!

– У меня идея одна есть, как нашего стукача вычислить. Вот прихлопнем его, тогда и попируем, обещаю.

– Мужики, сегодня на ужин грибная солянка, четвертый отряд постарался, белых набрал, – потирая руки от предвкушения, облизнулся Игорь Харченко. – А вы что такие смурные? От Семы унынием заразились?

– Витает тут крепкая зараза, изолировать бы носителя, – загадочно ответил Арсеньев, садясь за стол.

Но на его слова никто, кроме Саши, не обратил внимания, все дружно бросились к кастрюлям с солянкой.

– А на нашу комнату опять первого не долили! – завопил психиатр, раздувая от обиды щеки. – Смотрите, у седьмой бульон аж крышку заливает, а в нашей на палец вниз уходит!

– Не лазь по чужим котелкам! – стукнул его по руке Олег Ларин, солидный усач из седьмой комнаты. – Вечно ты всем недоволен! А с нами, между прочим, еще кот живет, он не меньше тебя есть хочет! Все, замолкни! А ты, Гоша, не обращай внимания, супчик лучше разливай.

И вдруг Леший, до этого спокойно сидевший на стуле, яростно зашипел, вздыбился и вцепился в руку своего благо-

детеля. Магнитов выронил половник, удивленно посмотрел на разлитую гущу и застыл.

– Ты придержи своего зверя, о то он взбесился совсем, на хозяина уже кидается, нахлебничек...

– Молчи, Бублик без дырки! Что с тобой, Гоша? – засуетились за столом.

– Посмотрите, какие грибочки в нашей солянке плавают, такие бабка Кока даже трогать запретила...

– Да это же бледные поганки! – присвистнул Ларин и внимательно оглядел каждого. – Сырые, к тому же!

– А у нас таких нет! – откликнулись остальные дежурные по палатам, внимательно рассматривая содержимое каждой кастрюли.

– Если это шутка, то она хорошо приправлена смертельным ядом! А ты, Леший, умница, настоящий спец по поганкам – в четверг Блендера от них спас, а сегодня всю нашу четверку, – оглаживал довольного кота сердитый Ларин.

Солянку в тот день так никто и не попробовал. Бледные поганки, это что, чья-то шутка? Или случайность? Многие задали себе этот вопрос, но не найдя подходящего ответа, выбросили из своей головы неприятные мысли. Многие, но не все.

Ночью Александр повернулся к другу пошептать.

– Нам хорошо, мы-то плотно поужинали, а остальным даже супчика не досталось!

– Тихо ты! Забыл о дятле – стук-стук-стук! – шикнул

на него сонный Арсеньев.

– Все спят давно, не волнуйся! Вон как в храпе заливаются! Скажи, а что завтра бабка Летя принесет?

– Домашний пирог, с клубникой! Ох, скорее бы попробовать!

Утро не поскупилось на сюрпризы, для некоторых очень даже неприятные.

– Нам стало известно, – как всегда очень серьезно, без тени улыбки начал капитан Федоров, – что в нашем округе орудует неуловимый вор-профессионал! Руководство лечебницы берет на себя ответственность за сохранность вашего имущества, поэтому прошу всех срочно сдать кладовщику все ценные вещи, деньги, украшения. Тех, кто будет заподозрен в укрывательстве указанных предметов, – капитан задел синим взглядом Парнаса и Арсеньева, – ждет обыск. Его произведут старшина Кузьмин и рядовая Вдова.

– Ты видел, как он на нас посмотрел? – тихо промолвил юморист, – видел чертеняку в его глазах? Он из-за нас всю эту бучу затеял, опять стук-стук-стук сработал!

– Это, во-первых, – продолжал тем временем Федоров, – а во-вторых, я пригласил сюда парикмахера, он приведет вас в соответствующий лечебному заведению вид – коротко подстрижет, сбреет всю растительность на лице, а по желанию и на теле.

– Как, и мою бороду? – очнулся от задумчивости Фи-

шер-Селедкин.

– Я усы брить не позволю! – выступил вперед Ларин. – К чему все это?

– К нам сегодня приезжает областная комиссия, лучшие специалисты проведут полное обследование вашего организма.

– Зачем?

– Мы следим, чтобы наша методика не навредила вам, а только помогла оздоровиться. И я не хочу представить вас незнакомым людям в столь неопрятном виде. Все, это не обсуждается! А усы и бороды, если кому нравится заросший вид, за два с лишним месяца опять отрастут!

– Мстит нашим друзьям, шельма! – засмеялся Виктор. – Ишь, как ловко все придумал, про комиссию, про неопрятный вид, так грамотно преподнес – и не придерешься.

Усы и бороды сердито зашевелились, встали на дыбы в последней попытке спастись, но тут ворота распахнулись, и по тропинке, навстречу толстякам, шла, вернее сказать, плыла необыкновенная красота! Темно-русые косы по плечам, лучистые зеленые глаза с искринкой, стройные ножки, слегка прикрытые белым халатиком – вот описание самого опасного и действенного оружия против сильного пола!

– Познакомьтесь, господа, это Катерина, медсестра из Каменки, – целуя руку девушке, сиял Зудин, – она возьмет у вас кровь.

– Берите, сколько надо! – прошептали «доноры» и без-

успешно попытались отвести ословелый взгляд от притягательного облика.

Кот Леший мягко потерся о ноги медсестры и громко замурлыкал. «Хотел бы я быть этим котиком!» – подумали все, включая и профессора Зудина. В кабинет сдачи крови выстроилась огромная очередь, но в отличие от обычной больницы, никто не ругался, не старался проскочить первым, не торопил события. Все в умилении облепили дверь лаборатории и вдохновенно молчали. Гоша так растерялся, что подставил под иглу не руку, а оголенные ягодицы, и только когда услышал в дверях гомерический хохот, понял свой промах, в ужасе подскочил с кушетки, резко схватил брюки и смахнул со стола своей широкой штаниной наполненные кровью пробирки. Но и тогда никто не возмутился, даже зануда Бубликов, а спокойно отстояли еще одну очередь на повторный анализ.

– А где Петька? – удивился отсутствию вездесущего Прыгуна Александр.

– Так он вчера на кухне дежурил, напробовався солянки и теперь лежит, клизмой наслаждается.

– Жаль, не увидит такую красоту!

После обеда побежденные и слегка обескровленные доноры безропотно стриглись, брились, отмокали в душе, яростно натираясь мочалкой. Все мысли и все разговоры вились вокруг прекрасного пола, романтическое настроение не испортила даже приехавшая из области комиссия.

Совсем другие думы занимали обеспокоенную душу Арсеньева. Ему не давала покоя внезапная «конфискация» всех платежных средств. Что он вечером скажет бабке Лете? А если хорошо подумать, то из-за утечки информации снабженке тоже грозит разоблачение и всяческие неприятности!

– Арсеньев, к телефону! – еле слышно прошептал Кузьмин над самым ухом юмориста. – Даю три минуты!

Поговорив, Виктор кивнул Александру, с нетерпением ожидавшего его возле дверей штаба.

– Ну, и как там Краснов, нашелся? – подрулил к ним Прыгун.

– Выпрыгиваешь всегда отовсюду, подслушиваешь! – обрушился на банкира Арсеньев.

– Я же не виноват, что у меня слух такой, – обиженно надулся Петр, – за версту голоса слышу!

– Наследственность такая?

– Нет, до заикания слух у меня был обычный, как у всех. Но это длинная история, вам, наверное, неинтересно...

– Очень даже интересно! – заверил его Александр, пытаясь замаять грубость сатирика. – Пойдемте к пруду, там устроимся удобно и послушаем, как ты приобрел свою феноменальную способность.

Троица уединилась на лавочке под раскидистыми ветвями, и Петр неспешно и почти не заикаясь начал свой рассказ.

– Вы, возможно, знаете, что я работаю в одном из крупнейших банков в качестве главного бухгалтера. Не скажу,

что я мечтал о такой профессии, нет, просто пошел по стопам отца и деда, финансистов от бога. С детства меня видели только продолжателем династии, альтернатива этому даже не рассматривалась. Я же мечтал о путешествиях, об опасных приключениях в незнакомых и загадочных местах, но против воли родных не пошел, не по слабости, конечно, а только чтобы не расстраивать своих близких. Не скажу, что работа меня сильно напрягает, у нас хороший коллектив, очень хорошая зарплата, руководство балует нас многими дополнительными бонусами, часто устраивает корпоративные вечера. Вроде, всего хватает, живи и радуйся, но только на меня систематически, обычно раз в месяц, нападает муторная депрессия, душа жаждет новизны, адреналиновой встряски, и тогда я совершаю что-нибудь неординарное, часто опасное для жизни. Да, да. Я несколько раз прыгал с парашютом, летал на дельтаплане, бороздил дно Москвы-реки! Коллеги нередко подшучивали надо мной, говорили, что мне срочно нужно жениться и тогда не нужно будет бегать за неприятностями, они всегда будут рядом! Я и сам был не прочь расстаться с холостяцкой жизнью, но только не встретилась мне такая, чтобы сердце выпрыгивало, а в душе звенели колокольчики. Женщины не обделяли меня своим вниманием, приходили домой, оставались ночевать, но утром я всегда спешил от них избавиться.

Однажды друг посоветовал мне обратиться в одну фирму, которая занималась только экстремальными турами и пред-

лагала путешествия на любой вкус и кошелек. Несколько раз воспользовавшись услугами турагентства «Адреналин», я уже не мог остановиться. Чем я только не занимался: служил наживкой для крокодилов Голубого Нила, убегал ночью от призрака Дракулы в замке Трансильвании, прыгал с новой «тарзанки» под названием «Русская рулетка» в далекой и загадочной стране Зимбабве.

Но не только приключения бередили мою душу, мной владела еще одна тайная страсть, которую я скрывал даже от своих близких – страсть к пению! Из-за этого мне даже пришлось перебраться жить на подмосковную дачу, иначе соседи грозились устроить мне «музыкальное сопровождение» в травматологию. Конечно, петь под караоке в одиночку не очень интересно, хочется слышать рядом со своим голосом приятное созвучие, и я немного полазив в интернете, нашел клуб любителей караоке, куда приглашали всех, кто хочет и умеет петь. Через месяц я стал завсегдатаем этого клуба, меня любили слушать и часто даже просили выступить на бис. Когда я пел, я забывал обо всем, душа моя уносилась прочь в неведомый мир и я испытывал настоящее счастье.

Вот так я и жил: днем работа, по вечерам – коллективный вокал, в выходные – глоток местного колорита, ну а раз в год – экстрим в заморских странах! Так, наверное, продолжалось бы до сих пор, если бы в один прекрасный день мне прямо на работу не позвонил турагент «Адреналина» и не сообщил сногшибательную новость. Как постоянный

и самый активный клиент турфирмы, не пропустивший ни одного нового тура, куда чаще всего выезжал в роли первопроходца, я выиграл супердорогой и очень популярный приз – пробное захоронение со всеми полагающимися атрибутами и церемониями! Я был в шоке! Неужели кто-то соглашается заживо ложиться в могилу да еще платит за это огромные деньги? Да, заверил меня агент, это самая востребованная на сегодняшний день услуга, клиенты говорят, что после этого они заново переосмысливают всю свою жизнь, начинают вновь любить и ценить своих близких, а, казалось бы, неразрешимые проблемы, уходят сами собой. Я решил не вступать в подобную авантюру, но в турфирме советовали не спешить отказываться от такой удачи и дали мне на раздумье неделю. А в это время мои коллеги, которые ни минуты не сомневались в моем согласии, развернули бурную деятельность: дамы заказали каталог прозрачных мини платьев в черных тонах и репетировали жалостливые речи; мужчины готовились утешать страдающих от горя дам, и для этого отпросились из дома до утра; директор обещал прибыть на место упокоения вместе с супругой и над могилой выдать всем поминальные в атласных черных конвертах! А тут я со своим нежеланием ложиться в гроб! «Нет!» – заявили мне сослуживцы, я не имею права испортить им такой замечательный праздник, «нет!» – они не позволят какой-то злобной и трусливой моли прогрызть дыры в их платьях и фраках, специально пошитых лично для меня! Под

таким натиском я вынужден был уступить, хотя сердце мое впервые за долгие годы почувствовало неладное.

Пробные похороны прошли на высшем уровне: шикарный гроб, катафалк последней модели, лучшие плакальщицы страны! В «последний путь» мне дали с собой мобильный телефон, маленький фонарик и бутылку гавайского рома, если вдруг от страха захочется выпить глоточек. Когда над моей могилой звучали прощальные речи, все неподдельно рыдали, заламывали руки, а секретарша так вошла в образ, что пыталась броситься за мной в могилу. Все это происходило на старом кладбище, где-то в подмосковье, среди заросших травой крестов. Я с ужасом ждал конца представления. Наконец батюшка произнес «аминь», гроб начали плавно опускать в подготовленную яму, на крышку из красного дерева полетели комья земли, и все поспешили покинуть это печальное место, чтобы уже в ресторане «помянуть усопшего друга». Меня должны были через час достать служащие кладбища, а пока я остался лежать в сырой земле. И тут случилось непредвиденное – гроб мой зашевелился, начал оседать и вдруг резко рухнул куда-то вниз! От ужаса я заорал, пытаясь скрюченными от холода пальцами приподнять крышку, и нащупал в темноте что-то волосатое. Я дрожащей рукой нажал кнопку фонарика, и волосы на моей голове зашевелились – прямо мне в лицо усмехался голый череп, а костлявая длань протягивала седой комковатый скальп! Когда меня через час откопали, я уже не мог ни

кричать, ни ругаться. Только на другой день я пришел в себя и узнал, что со мной произошло. Оказалось, что вырытая для меня яма была чьей-то старой могилой, куда незадолго до моего пробного захоронения наведались гробокопатели и сделали глубокий подкоп. Тонкий слой земли не выдержал огромной тяжести, и гроб рухнул вниз, прямо на прежнего «владельца» захоронения, чей высохший скелет так напугал меня.

Над всей этой историей можно было бы громко посмеяться и забыть, если бы не одно «но»: после психологического стресса я начал сильно заикаться, а слух неожиданно обострился до предела! Только мне такой дар ни к чему, лучше бы я совсем оглох, чем такой разговорный дефект! Ведь теперь я уже не мог распевать песни со своими друзьями, постепенно перестал посещать клуб караоке, замкнулся, стал нелюдимым, а все свои комплексы заедал сладеньким. Вот так я и оказался здесь.

Петр умолк. Слушатели молча переваривали невероятные сведения.

– Мне вот что интересно, – неожиданно спросил Виктор, – тарзанка «русская рулетка», это когда прыгаешь в пропасть на резинке урюпинского производства?

– Нет, – засмеялся Прыгун, – это когда каждая седьмая веревка не привязана.

– Неужели кто-то соглашается на такую страсть?

– Очередь стоит!

– Да, всякое в жизни бывает!

– Так как, не сердитесь теперь на меня, что я телефонный разговор подслушал?

– Нет, конечно, – улыбнулся Парнас, – но больше так не делай.

Время встречи с продавщицей уже подошло, а двое друзей никак не могли подобраться к месту явки – там расположилось интересное трио: физрук Подопригора, старшина Кузьмин и охранник Вдова. Вскоре среди кустов промелькнул знакомый платок, затем послышались ругательства и шумная возня.

– Что там происходит? – с наигранным равнодушием спросил Арсеньев выходящего из кустов старосту Ефимова.

– Спекулянтку одну поймали, несла в лагерь отравленные харчи, Скалетинья проклятая!

– Зачем обзываешься?

– Никто не обзывается, это бабку так зовут – Скалетинья Петровна! По фамилии Кукиш.

– Необычное имя. И что ей теперь грозит?

– Да ничего особенного, в тюрьму отправят, и все дела!

От такой новости друзья онемели. Они чувствовали себя виноватыми перед женщиной, считая, что только их неосторожность выдала бедную бабку.

– Найду доносчика – задушу! – заскрипел зубами Арсеньев.

Он с подозрением оглядывал окрестности и вдруг взгляд его резко притормозил на одном ближнем движущемся объекте – смущенный Харченко пытался скрыться за углом, ви-

новато пряча взгляд и жуя на ходу большой кусок домашнего клубничного пирога!

– Убью гада! – расвирепел Арсеньев, в одном прыжке догнал Игоря и схватил его за грудки.

– Не бей его, Витя, разберемся давай! – пытался заслонить артиста Александр.

– Продал нас, Иуда, награду получил!

– Мужики, да вы что? – выронил недоеденный кусок пирога Харченко.

– За жратву друзей сдал, бабку до тюрьмы довел! – тряс «доносчика» Арсеньев.

– Мужики, виноват, куском не поделился...

– Куском? Да я тебя...

– Стойте, стойте! – выскочил невесть откуда Прыгун, – вы не того подозреваете, не он стукач!

– Кто стукач? Я? – еще сильнее покраснел «подозреваемый».

– Ты где пирог взял?

– Видел, как Кузьмин с Подопригорой бабку какую-то в лес поволокли, та под куст сверток бросила, я и подобрал. Развернул, а в нем палка колбасы и пирог с клубникой! Колбасу я для нашей комнаты спрятал, а пирог, простите, так вкусно пах, не удержался и откусил! И что я теперь из-за этого, предатель, да? стукач? – Харченко сердито двигал вставшими в позу бровями. – Что онемели? Давайте, рассказывайте, что тут у нас творится?

Александр сбивчиво рассказал про все случаи утечки информации, не забывая при этом оправдывать Виктора. Харченко то краснел, то бледнел.

– Меня, в стукачи!

– Вчера наш ночной разговор только ты слышал! – уже не так уверенно выступал юморист.

– Никогда вам этого не прощу, а еще друзья называются!

– А сегодня бабку повязали, а ты идешь и её харчи уминаешь, что нам было думать?

– В предатели меня зачислили...

– Замолчите! – прикрикнул на друзей Парнас. – Петя, что ты там узнал о шпионе? Говори!

– Зачем говорить, я вам лучше все покажу, – Прыгун махнул головой в сторону штаба. – Пойдемте за мной, только тихо, не испугните маньяка.

Четверка бесшумно прокралась к красному уголку и осторожно заглянула в окно. Оттуда слышались голоса, до боли знакомые – их собственные! Друзья аккуратно приоткрыли дверь. За столом сидел Ларин и внимательно прослушивал магнитофонную запись – это был последний ночной разговор Арсеньева и Парнаса!

– И это еще не все, – прошептал Петр, – он еще на камеру нас всех снимал, я сам фильм видел! Тогда на стадионе и снимал, я вам говорил, а вы не верили, смеялись...

– Сейчас этому режиссеру мало не покажется, – распахивая двери красного уголка, зарычали Харченко и Арсеньев.

Когда Ларин увидел в дверях своего секретного кабинета неожиданных воинственно-настроенных посетителей, он, как опытный конспиратор постарался, прежде всего, скрыть улики – видеокамеру, компьютерные диски.

– Что, не ждал гостей?

– Не ждал! – тихо ответил Ларин, пытаясь спрятать что-то за спиной.

– Поздно прятать, мы все слышали! – Арсеньев бегло осмотрел комнату.

– Я из-за тебя в предатели записан! Из-за твоих шпионских игр чуть друзей не потерял! – грозно пошел на шпиона Харченко.

– Вот мы сейчас пойдем и всем расскажем, как их личную и интимную жизнь на видео снимают!

– Стойте, не кипятитесь, здесь дело не в любопытстве, все эти пленки могут иметь сведения государственной важности! – Ларин поспешно убрал в стол все материалы и запер их на ключ. – Не хотел никого вводить в курс дела, но не учел, что у некоторых помимо феноменального слуха есть еще неискоренимая тяга везде совать свой нос, – Олег посмотрел на Прыгуна и вдруг искренне засмеялся. – Ладно, локаатор, иди, вокруг дома посмотри, нет ли поблизости посторонних ушей, а потом приготовьтесь услышать интересную детективную историю.

Прыгун быстро осмотрелся, доложил, что все спокойно, и Ларин неспеша начал рассказ.

– Все хорошо помнят девяностые годы, когда многие реально почувствовали свободу, вседозволенность. Криминал вышел на широкий простор, банды росли как грибы, а для руководства над всей этой «братвой» требовались хладнокровные и умные лидеры, способные не только держать в повиновении огромную силу, но и правильно найти ей применение. Одним из таких руководителей стал некто по кличке Артист. Как известно из немногочисленных источников, он легко перевоплощался, постоянно менял свой облик, а перед своими помощниками всегда предстал в гриме: усы, парики всех видов, накладные морщины – всем этим он владел в совершенстве, за что и получил свою кличку. Даже его приближенные не знали его истинное лицо и настоящее имя главаря. Шайка специализировалась на краже антиквариата, на него работали знающие свое дело молодчики, которые вычисляли коллекционеров, шерстили провинциальные музеи, грабили сельские церквушки. Действовали осторожно, старались обойтись без жертв. Умный ход – кража, это вам не убийство, такие дела розыск в последнюю очередь интересуют. Единственными их жертвами, по нашим данным, стали несколько церковных служащих, но эти убийства не вписываются в общую схему преступлений Артиста и до сих пор остаются для нас загадкой. Почему без каких-либо видимых причин с попами и монашками расправились так жестоко? Мы считаем, что здесь скрыты какие-то личные мотивы Артиста, но это только предположения.

Главарь часто уезжал на переговоры с клиентами, а вместо себя оставлял своего помощника, некого Валеру Зубова по кличке Алмаз. Кличку такую тот получил не столько за свой крепкий характер, сколько за страсть к драгоценным камушкам, ими он обычно и брал свою долю, и всегда, когда выпадала возможность пополнить свою копилку, не мог удержаться от соблазна.

Банда просуществовала недолго. Неизвестно почему, но Артист вдруг решил завязать и прежде всего решил избавиться от всех подельников, чтобы впоследствии обезопасить себя от разоблачения. Он пригласил всю шайку на подмосковную дачу, подсыпал в водку снотворное, и когда все беспечно заснули, поджег деревянный дом. Но его зам, не с пустой же головой он стоял у руля столько лет, заподозрил что-то неладное и сумел скрыться, прихватив с собой и последний куш, и общаг, и кое-что из запасов шефа. Зубов подался в родные края, сюда, в Пензенскую губернию, где у него проживали жена с маленькой дочкой. Милиция вышла на его след совершенно случайно и взяла Зубова вот в этом самом лагере! Никаких ценностей при нем не нашли, обыскали здесь все закоулки – драгоценности как в воду канули!

За свои преступления Алмаз получил срок, несколько раз пытался бежать, срок увеличили, но два месяца назад его амнистировали – у него обнаружили рак легких в последней стадии и как безнадежно больного отпустили домой умирать. Конечно, квартиру его жены взяли под наблюдение,

но Алмаз ловко ушел от слежки и неожиданно для всех подался в пригород, к теще. К сожалению, Артист нашел его раньше нас. Бабку он убил на улице, а жене бывшего своего зама он выстрелил в сердце у того на глазах, и потом стал пытаться Зубова, но тот упорно молчал, не сдавался. И только когда бандит пригрозил изувечить его единственную дочь, Зубов признался, что спрятал награбленное в лагере «Сказка», но конкретное место назвать не успел, прошептал только слово «Буратино» и умер от сердечного приступа. Все это позднее рассказала его жена, которая почти сразу пришла в сознание и слышала все, что происходило в квартире. Спасло женщину только чудо! На последней встрече муж подарил ей украшение – старинный золотой медальон с крупным камнем внизу. Она никогда не снимала его, только старалась прятать от посторонних глаз. Когда Зубов увидел Артиста, то попытался закрыть собой жену, оттолкнул её, та покачнулась, и подвеска сместилась к сердцу. Пуля попала прямо в камень, от шока и ужаса женщина упала и на время потеряла сознание. Соседи услышали громкие крики и поспешили на помощь, поэтому Артисту пришлось срочно уходить, иначе бы он удостоверился в смерти женщины. В больнице жена Зубова передала весь разговор между мужем и убийцей, о внешности которого она смогла сказать немного. Пострадавшая хорошо запомнила безжалостные голубые глаза да еще указала на одну странность. Убийца говорил как два разных человека: угрозы произносил гру-

бо, со змеиным шепотком голосом, а упрашивал мягким, даже приятным голосом.

– А может, бандитов действительно было двое?

– Ну не могла же женщина проглядеть второго! Подробнее нам её допросить не удалось – утром медсестра нашла Зубову задушенной резиновым шлангом в больничной кровати.

Разумеется, розыск сразу же заинтересовался лагерем «Сказка», куда предположительно направится охотник за сокровищами, и местные сотрудники милиции на наш запрос передали подробные сведения об этом местечке. То, что сейчас здесь располагается своеобразная лечебница с множеством подопечных, с одной стороны затрудняло слежку, но в то же время проще было внедрить своего человека в ряды пациентов-толстяков. Действовать надо было оперативно, пока бандит не появился в лагере. А то, что он в ближайшее время здесь появится, ни у кого не вызывало сомнения. Но как он проникнет сюда, под какой личиной? Штат сотрудников здесь постоянный, на новую вакансию если и берут, то только своего человека, проверенного, остается только затеряться среди постояльцев, а за три месяца пребывания здесь можно все внимательно обыскать, не боясь разоблачения. Так что никто не сомневается – опасный преступник среди нас!

Ларин замолчал. Ошарашенные рассказом слушатели задумчиво молчали.

– Ты хочешь сказать, что мы все на подозрении? – после затянувшейся паузы спросил Арсеньев и в недоумении оглядел присутствующих.

– Спешу вас обрадовать – вы не преступники!

Четверка облегченно вздохнула.

– А ты вообще кто? – обратился к Ларину Игорь. – До сегодняшнего дня я думал, что ты писатель, детективы сочинишь.

– Детективы – моя область, только я их не сочиняю, а расследую в качестве майора полиции.

– Ну, то, что ты из органов, мы уже поняли.

– Что уже тебе удалось выяснить? Кто преступник? Клад еще не найден? – посыпались со всех сторон вопросы.

– Не так быстро, расскажу все по порядку и начну с того, как и когда каждый сюда попал. Вот вы, два неразлучных друга, какого числа подписались на эту авантюру?

– Сейчас вспомню, – задумался на минуту Александр, – так, Слизкого я встретил десятого июня, тебя уговаривал день.

– Полтора дня, – уточнил Арсеньев, – и двенадцатого мы уже штурмовали «Похудейку». Этим же вечером я тебе, Игорек, позвонил, расписал все прелести жизни в худом теле.

– И вдохновил – четырнадцатого июня я на эту каторгу подписался.

– Убийство Зубова произошло пятнадцатого, значит, раньше Артист никак не мог появиться в фирме, поэтому

те, кто подал заявление раньше, автоматически исключаются из списка подозреваемых. У нас остаются десять человек, и все они живут в нашем корпусе плюс двое из третьего.

– Как это?

– Вы знаете, что в нашем корпусе четыре жилых комнаты, с пятой по восьмую, в каждой проживает четверо, итого шестнадцать, из них восемь человек вне подозрения – мы пятеро, Бубликов, еще Полшков, которого в седьмую вместо Красного поселили, и этот парень, Марленский...

– А почему Бубликов вне всяких подозрений? – удивился Парнас.

– Вы же еще в Москве слышали, что он тринадцатым заявление подал, отсюда ему и номер такой присвоили, а ты хоть и до убийства на лечение записался, а в списке аж двадцать пятый.

– А Гоша? Неужели и он на подозрении?

– Думаю, он роль Артиста по габаритам не проходит, – ответил Ларин, – слишком уж приметная у него фигура, но и его полностью со счетов списывать нельзя.

– А вообще, сколько у нас в лагере худеющих?

– Из Москвы приехали сорок, двое присоединились в Пензе, но двоих же мы и потеряли – Краснова и Костюка, которого собака загрызла, итого получается все те же сорок человек.

– А я слышал, что Женька Марленский последним в списке был, за пять минут до закрытия записываться пришел,

и его еще брать не хотели, – перебил сыщика всезнайка Прыгун.

– Это так, но ты забыл, что у нашего Артиста голубые глаза, а портной кареглазый.

– А как насчет линз? Сейчас с их помощью можно запросто цвет глаз поменять, а еще кроме линз, я читал, капли какие-то существуют.

– А зачем, по-вашему, сегодня в комиссии офтальмолог был?

– Дотошный глазнюк! Чуть мне глаза не выковырял! – заморгал Харченко.

– Да к тому же не забывайте, что бандиту больше сорока лет, а Женьке двадцать с небольшим. Полшков тоже по возрасту не подходит, молодой очень.

– А почему вы решили, что сюда поедет именно Артист? – спросил Александр. – Может, он своего сообщника послал, а сам где-то рядом крутится, вне подозрения, и только указания дает?

– И такая версия была, но, зная скрытность этого бандита, особенно когда на кону такой огромный куш, мы эту идею отбросили.

– Но как он за такой короткий срок вообще смог выйти на эту лечебницу? – допытывался Парнас. – Ведь лечебница объявления не печатает, себя не рекламирует, и все мы попали сюда только по чьей-то рекомендации.

– Все просто! Думаю, когда Зубова здесь взяли, Артист

очень заинтересовался этим лагерем, проживал в этом районе какое-то время и, конечно, завел знакомства с кем-то из местных. От них он и получил все сведения насчет того, что сейчас находится в «Сказке».

– Возможно.

– Точно, я говорю! – дотошность Парнаса начала раздражать сыщика. – И не такие умы над этим работали! Все уже до тебя проанализировали и сделали вывод: Артист среди нас, в этом самом лагере! Да этот зверь уже проявил себя! Кто, вы думаете, подсыпал в мою кастрюлю поганки? Он! Знаете, зачем? Убрать меня хотел, как самого опасного противника. Или вы про этот случай забыли?

– Нет, конечно, просто мы тогда не знали, что один из пациентов убийца, и что он намеренно отравил супчик, – вздохнул Виктор, – поэтому постарались выбросить из памяти неприятный инцидент.

– Да, нехорошая ситуация, есть, спать вместе с кем-то, и в то же время бояться к нему спиной повернуться – вдруг он убийцей окажется?

– И кто же у нас главный подозреваемый? – задал Арсеньев интересующий всех вопрос.

– Ваш однопалатник – Саймон!

– Семен? Вот почему ты в нашу комнату прослушку поставил?

– Она не только у вас стоит, – немного смутился сыщик, – пришлось на это пойти в надежде, что бандит как-то выдаст

себя.

– Так ты уверен, что это американец? – допытывался Арсеньев.

– На семьдесят процентов.

– Нет, только не Семен! – воскликнул Александр. – Он добрейший человек и никого убить не мог!

– Поверь, мне он тоже симпатичен, но не забывай, что Арсеньев талантливый артист и ему ничего не стоит войти в доверие и очаровать.

– Кто? – подпрыгнул Виктор. – Кого ты назвал?

– Разве я не сказал, что Артиста зовут Семен Арсеньев? Да, да, уважаемый сатирик, он твой однофамилец

– Вот ведь гад! Да его убить мало...

– Все, остынь, вернемся к делу. Помнишь, когда капитан Федоров при распределении назвал твою фамилию, Фишер от неожиданности даже рюкзак выронил? Как же, услышать вдруг то, что от всех скрываешь!

– А помнишь, Витька, – хлопнул по столу Харченко, – когда ты его при знакомстве Семей назвал, он аж поперхнулся, спросил, откуда знаешь?

– Было дело, – нахмурился Арсеньев.

– И откуда, скажите мне, у якобы иностранца такое знание русского языка, в частности ненормативной лексики? – кинул майор еще один большой камень в огород американца. – Да и худеть ему нет особой надобности, зачем из-за лишних десяти кило в другую страну ехать, да еще в такую глушь?

– Нет, Сема не может быть убийцей! – настаивал Александр. – Я за ним часто наблюдал, да, он постоянно чем-то озабочен, но это скорее грустные и печальные мысли, а не преступные замыслы!

– Нам бы тоже хотелось, чтобы бандитом оказался кто-то другой, – виновато опустили глаза Виктор и Игорь, – но факты... Да, с этого дня придется повнимательнее за ним приглядывать.

– Только действуйте поаккуратнее, не спугните бандита! – предупредил рьяных помощников Ларин. – А то наломаете дров, а мне потом по шапке надают...

– Только ты, будь добр, убери из нашей комнаты своих жучков, – требовательно сказал Виктор. – Теперь мы и сами, добровольно за этим... следить будем.

– Правильно, – Харченко сердито посмотрел на Ларина, – а то, как представляю, что все наши шутки-прибаутки насчет местного руководства им по ушам прошли, то так и хочется кого-то сильно покалечить.

– Да, неприятно, когда твои слова весь персонал слушает.

– Не было этого! – оправдывался Ларин. – Только я к записям доступ имел!

– Хочешь сказать, что ты сам докладывал о наших подвигах начальству? – возмутился Арсеньев. – О походе в деревню, о снабженке, о сбежавшей свинке, еще...

– Ладно, ладно, признаюсь, некоторые записи капитан слышал, но больше никто!

– Тогда понятно, откуда вся эта утечка информации, – воскликнул Парнас, – а то некоторые не знали, на кого и думать.

– Все, – поспешно отвел глаза Виктор, – забудем эту неприятную историю, только чтобы впредь ничего такого!

– Тихо, кажется, кто-то под дверью стоит! – Петр на цыпочках подкрался к выходу и внимательно прислушался. – Пойду, разведу обстановку.

Он внимательно осмотрелся, прошелся вдоль вокруг домика, но ничего подозрительного не заметил, только вот почему у забора против ветра лег терновый куст?

– Показалось, наверное, – успокаивала себя «следственная» бригада, выслушав предположения Прыгуна.

– Может, и показалось, только впредь нам нужно быть аккуратнее!

– Да, осторожность не помешает, – выглянул в окно Арсеньев, – никто в лагере ни о бандите, ни тем более о кладе знать ничего не должен, а то здесь и так беспокойно, разные нехорошие слухи ходят. Взять хотя бы Краснова, убежал, никому ничего не сказал. Зачем, почему? У наших мужиков возникли подозрения, что администрация скрывает какую-то страшную тайну...

– Да ничего подобного! – запротестовал Ларин. – Краснов действительно сбежал, но только перед этим он записку для Федорова написал, где рассказал, что решил побыть с подружкой эти три месяца, отдохнуть от жены и тещи, и где

просит его не искать и никому не сообщать о его любовных похождениях. Подробно все так на бумаге изложил, только кто-то эту записку раньше нас нашел и уничтожил.

– Вон как дело было! Ну, Краснов, ну хитрец, вместо дилетты любовь себе приписал да постельный режим! Расскажем нашим мужикам – обзавидуются.

– А как же вы правду о побеге узнали? – спросил Парнас.

– Он через несколько дней сам позвонил, беспокоился, получил ли Федоров чек на штрафную сумму.

– Хорошо, что вовремя позвонил, – хихикнул Харченко. – Представляю, что бы его жена и эйная маман с нашим капитаном сотворили, если бы он им в срок мужа не предъявил.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.